

Сергей Львович Москвин
Голод
Серия «Метро»
Серия «Вселенная «Метро 2033»»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4605459
Метро 2033: Голод: [роман]: Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-45863-7

Аннотация

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Архипелаг Новая земля. Каменистые, пустынные острова, со всех сторон окруженные ледяной водой. Полярные ночи. Пронизывающий ледяной ветер. Ужасные хищники, появившиеся после Великой Катастрофы. И – голод. Самый страшный, самый беспощадный, самый непобедимый из всех врагов, с которым столкнула небольшую общину выживших новая реальность. День за днем, месяц за месяцем, год за годом люди отчаянно сражаются с ним, раз за разом заставляя на время отступать. Но они еще не знают, что таится под землей, совсем рядом с их убежищем. И что такое истинный голод...

Содержание

Ресторан в темноте	4
Пролог	13
Глава 1	17
Глава 2	20
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	44
Глава 6	51
Глава 7	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Сергей Москвин

Метро 2033: Голод

Ресторан в темноте

Объяснительная записка Дмитрия Глуховского

Во «Вселенной» иногда появляются книги, которые ни с чем не перепутаешь. Которые так сильно отличаются от привычных уже нам с вами экшен-триллеров в туннелях метро, что сразу выделяются на их фоне и врезаются в память.

Сага «Север» Андрея Буторина: когда я рассказываю кому-то, что в нашей серии есть роман о юноше из малой северной народности, который путешествует по постъядерному миру на упряжке оленей, люди сначала улыбаются, но, прочтя эту дилогию, запоминают ее навсегда.

«Ледяной плен» Игоря Вардунаса: роман о путешествии выжившей атомной подлодки по глубинам зараженного радиацией океана. Сама идея завораживает!

«Корни небес» Туллио Аволедо: история путешествия католического монаха из Рима в Венецию – готическая, реалистичная, непривычно жесткая.

«Голод» Сергея Москвина. Книга, которую вы держите в руках. Самая странная из всех перечисленных и, возможно, самая необычная из всех книг, которые издавались в серии.

Считается, что большинство читателей жаждет жанровой литературы. Например, женского детектива – знаешь, чего от него ждать, и получаешь именно то, чего ждал. Оправданные ожидания, гарантированное удовольствие. Или роман ужасов. Или фантастика. Понимаешь правила – и без лишних вопросов. Заказываешь котлеты – приносят котлеты, никаких сюрпризов.

Но у нас – ресторан в темноте, где ешь вслепую, и дегустационное меню. Принести могут что угодно, и пока не попробуешь, не поймешь, гречка это или котенок. И если, беря с полки очередную книгу «Вселенной», вы думаете, что знаете, какие чувства вас ожидают, и берете «Вселенную» именно за этим, за гарантированными эмоциями, предупреждаю вас: «Голод» – не очередная книга. Она другая. Не тот жанр. Не тот Москвин.

Готовиться надо не к головокружным приключениям, не к простой морали, не восстановлению попорченной справедливости, не к схваткам с монстрами. На сей раз все будет не так.

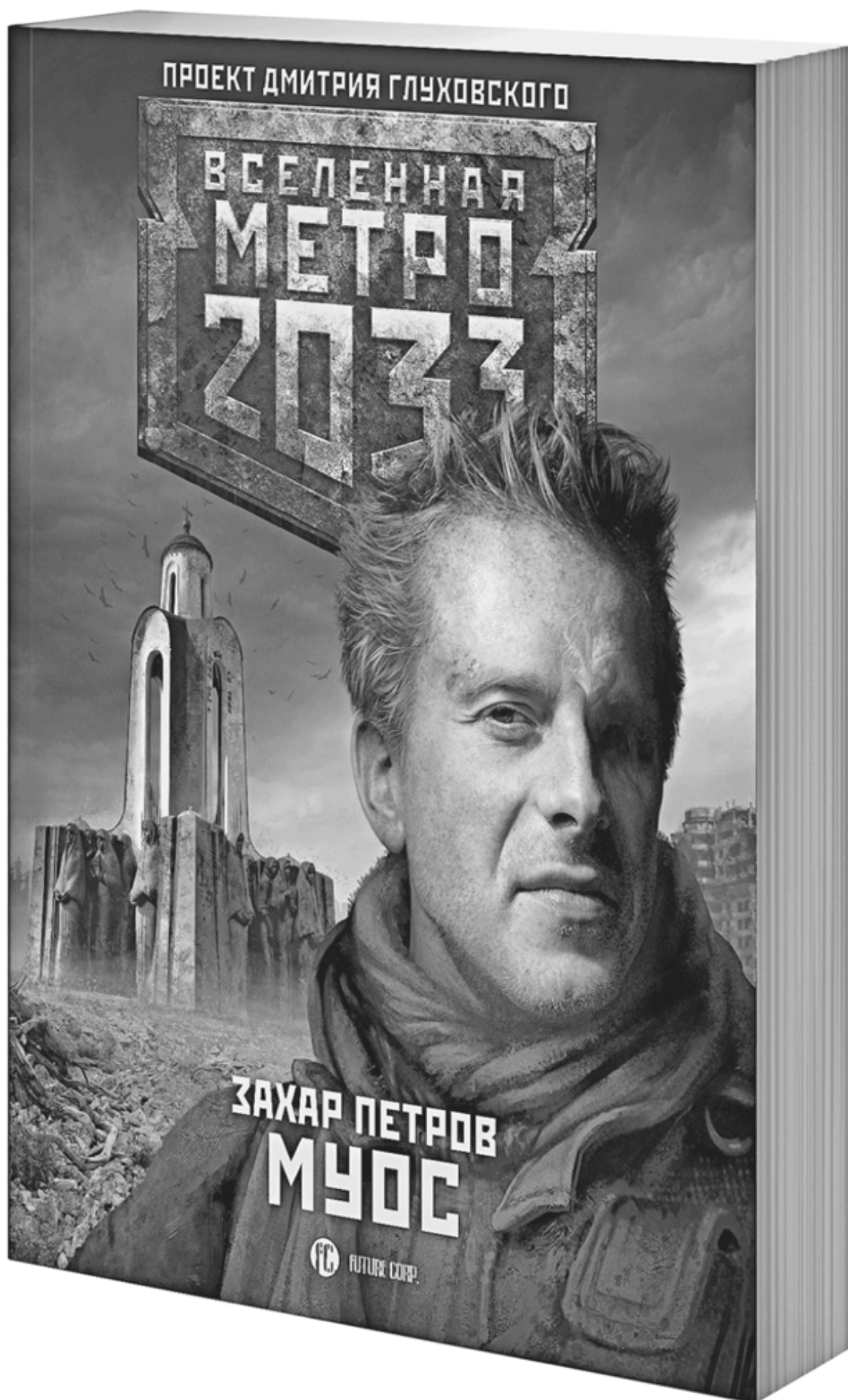
Мы обещали не давать вам заскучать – но не обещали, что после наших книг вы сможете спать спокойно.

Не ждите от этой книги ничего, и лучше ни к чему не готовьтесь.

Пусть «Голод» застанет вас врасплох.

Мяу.

Дмитрий Глуховский

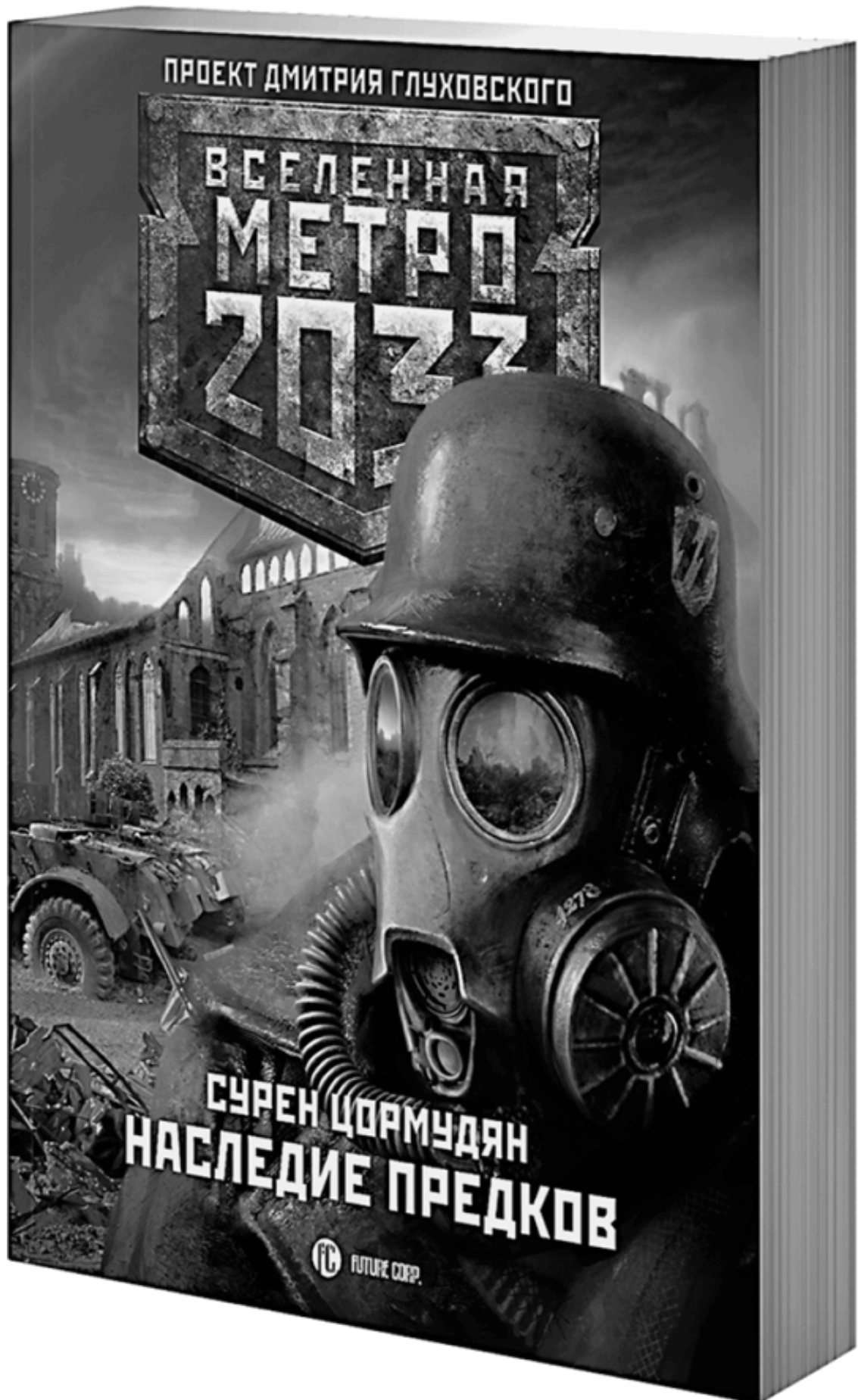

Это – «МУОС». Книга, которая стала легендой в Сети задолго до публикации.

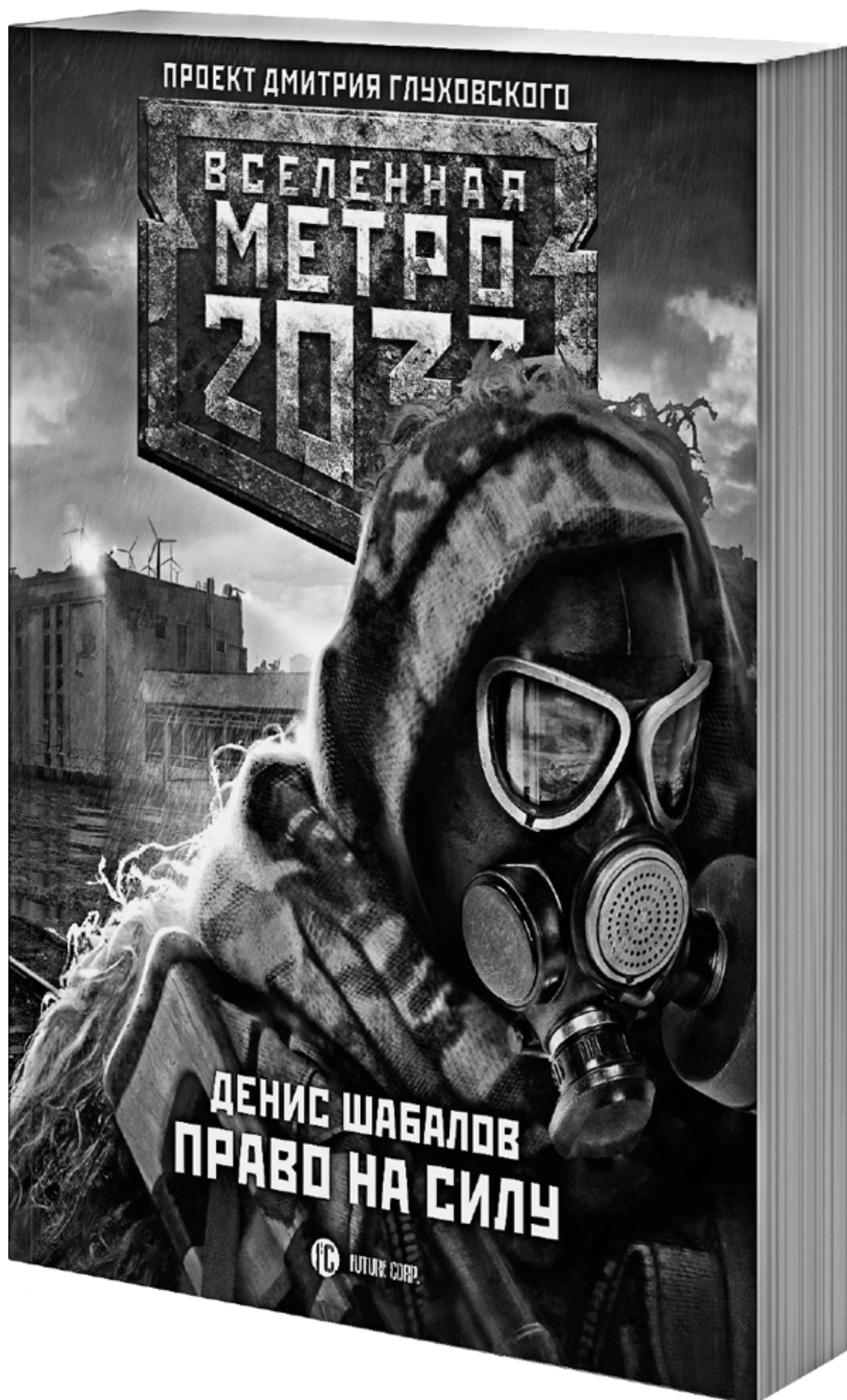
Это – «МУОС». Книга о Минском метро. Горькая. Страшная. Светлая. Честная.

Это место, в котором дети слишком рано взрослеют, а молодые – гибнут. Место, которое надежда покинула навсегда. Место, в котором до сих пор верят в Чудо...

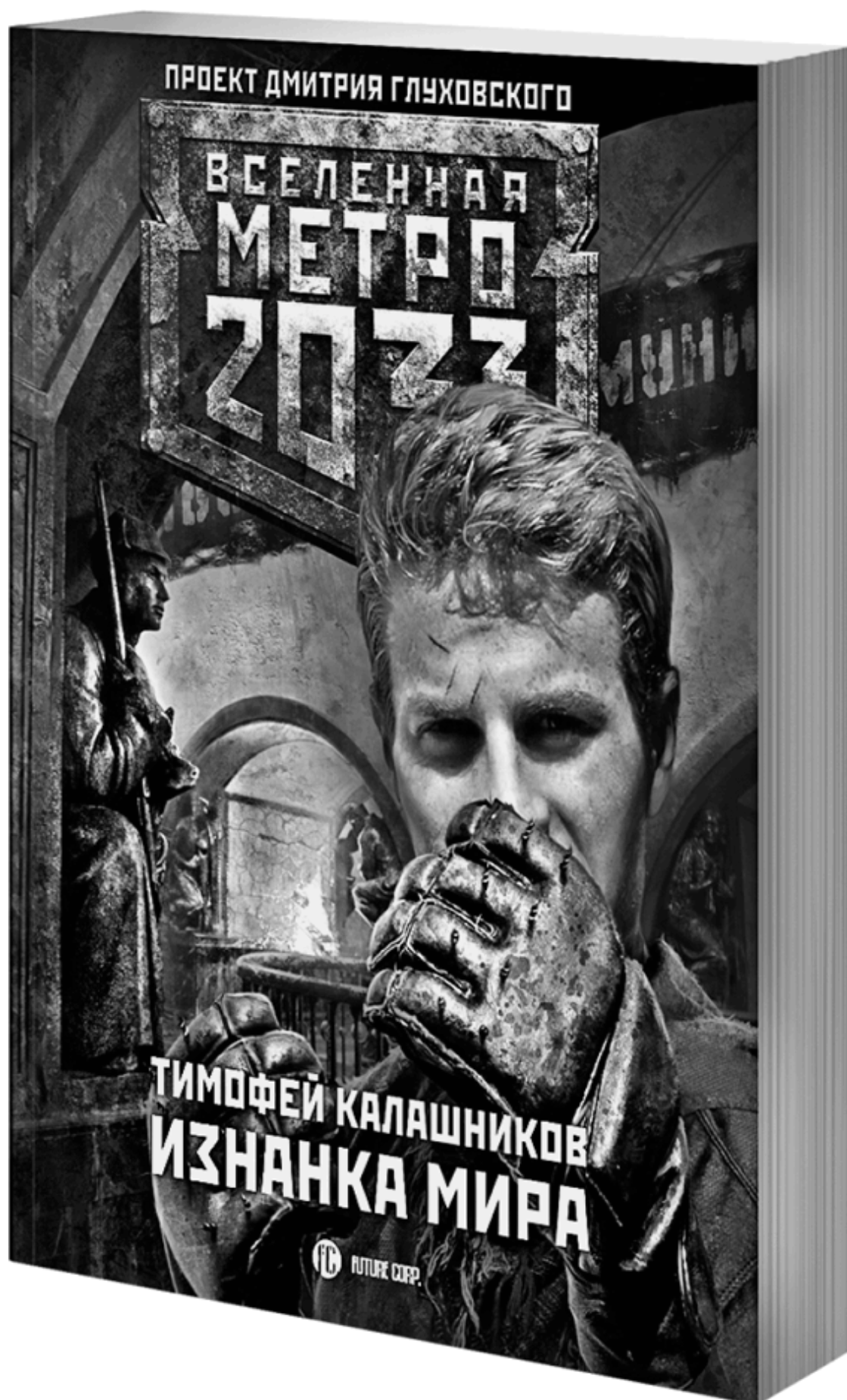
Вы ждали эту книгу очень долго. Теперь она перед вами!

Когда-то давно это была немецкая земля. Земля, обильно политая русской кровью во Второй мировой. Город-крепость Кенигсберг. Преддверие Берлина. Последний плацдарм, после взятия которого падение Третьего рейха стало неизбежным. Но даже когда отгремела Последняя война, загнавшая остатки человечества под землю, есть те, которым не дает покоя ужасное наследие предков. И во имя обладания этим наследием они готовы умирать и убивать...

Сталкерами не рождаются – сталкерами становятся. А может – и рождаются тоже. Особенно когда глава твоего Убежища – полковник спецназа ГРУ, кругом – радиоактивные развалины, наполненные кровожадными мутантами, сосед норовит выстрелить в спину и каждый день приходится сражаться за жизнь. Свою. Своих близких. Друзей. Надеяться только на верный «винторез», испытанного в сотне передряг напарника и удачу. Платить за существование – патронами, а за ошибки – кровью. Вновь и вновь доказывать миру свое право на силу...

Все в мире имеет две стороны. Аверс и реверс у монеты. Хорошее и плохое внутри человека. Свет и тьма. И даже у самого мира тоже есть лицевая и изнаночная сторона. Только вот далеко не всякий человек найдет в себе смелость встретиться с изнанкой мира. Ведь вывернутая жизнь куда страшнее привычного порядка вещей. Особенно для юного, воспитанного в традициях высоких коммунистических идеалов обитателя Красной ветки Московского метро 2033 года. На изнанке мира не в чести дружба и любовь. Долг и верность. Слабости и сомнения. А жизнь и смерть человека здесь – лишь разменная монета, небрежно поставленная на кон в грязных играх власть имущих...

Пролог

... лет до н. э. Крайний Север, стойбище еркара Явонгад¹

Холодно. Здесь всегда холодно. Когда бы Нюда² ни пришла на берег, с моря всегда дует злой холодный ветер. А она приходит сюда каждый день. С тех пор, как ее отец и два старших брата отправились в море на охоту. Приходит и ждет, с надеждой вглядываясь в бегущие по морю волны. Не мелькнет ли среди пенных гребней знакомый силуэт отцовской лодки? У отца хорошая и крепкая лодка, сшитая из прочных моржовых шкур. Он начал охотиться задолго до рождения Нюды. Отец выходил в море столько раз, что ей и не сосчитать. И ее братья тоже много раз выходили в море. Они попадали в штормы и ледяные заторы, однажды их лодку едва не раздавили плавающие льдины, но они всегда возвращались. С добычей или нет, но возвращались. На другой день, на третий, однажды даже на пятый. Сегодня пошел восьмой. Так долго отец с братьями не задерживались еще никогда.

Шаман говорит, что Большой Холод придет только через семь лун, но Нюду и сейчас бьет озноб. Теплая меховая малица³, сшитая из шкуры нерпы, не спасает от пронизывающего ветра. Потому что холод не только снаружи. Подобно тому, как червь смерти халы грызет плоть умирающего, проникший в душу Нюды холод замораживает ее тело и постепенно убивает надежду.

Это случилось на второй день, точнее, на вторую ночь после того как отец с братьями отправились на охоту. Нюда с криком проснулась посреди ночи, дрожа от холода и внезапно охватившего ее необъяснимого страха. Огонь в очаге погас, и ей пришлось потратить немало сил, заново разжигая его. Чтобы не умереть во сне от ужаса, Нюда не сомкнула глаз до самого рассвета. Перебравшись ближе к растопленному очагу, она просидела остаток ночи с открытыми глазами, пытаясь вспомнить подробности разбудившего ее кошмара, но так ничего и не вспомнила. Утром, выйдя на берег, Нюда обнаружила там трех мертвых белых китов, выбросившихся из моря минувшей ночью. Вся община радовалась ее находке. Еще бы, столько мяса! Но Нюда чувствовала: это плохой знак. И шаман подтвердил ее опасения.

Следующие шесть дней прошли для нее как в тумане. Каждое утро Нюда приходила на берег и, подставив лицо ледяному ветру, смотрела на бегущие по морю волны. Смотрела, ждала и надеялась. Но так же, как гаснет огонь в забытом очаге, в ее душе угасала надежда.

Уставшие от напряжения глаза начали слезиться, и девушка вытерла слезы рукавом. А когда опустила руку и снова взглянула на море, увидела мелькающую среди волн черную точку. Лодка?! Это мог быть и морж, и кит, и даже крупная рыба, выставившая из воды свой спинной плавник. Но вспыхнувшая с новой силой надежда заставила Нюду поверить, что это возвращаются с охоты отец и ее братья. А когда она узнала отцовскую лодку, то не смогла сдержать переполняющих ее чувств и с радостным криком бросилась к воде.

Но по мере того, как лодка медленно приближалась к берегу, охватившая Нюду радость сменилась настороженностью. Почему отец не поставил парус? Почему никто не гребет веслами? Почему она никого не видит, словно... лодка пуста!

Старые охотники уже находили в море пустые лодки. Шаман сказал, что пропавших людей утащили на дно злые морские духи. Но такого давно не случалось. Да и отец, собираясь на охоту, принес духам богатую жертву.

Затаив дыхание, Нюда следила за плывущей по морю лодкой, пока волны не прибили ее к берегу. Тогда она сделала глубокий вдох и медленно зашагала в ту сторону. Каждый

¹ Еркара Явонгад – род морских охотников (ненец.).

² Нюда – младшая в роду (ненец.).

³ Малица – ненецкая зимняя меховая одежда с капюшоном.

шаг давался с трудом, но она прошла отмеренный безжалостной судьбой путь и заглянула в лодку. Нет, она не была пустой. Сначала Нюда даже не поняла, что видит перед собой, а когда разглядела ускользнувшие в первый момент подробности, на голове зашевелились волосы, а охвативший ее ужас с криком рванулся наружу, но застрял в сдавленном судорогой горле.

На дне лодки лежали два сцепившихся друг с другом обледеневших тела. Две ледяные глыбы, в которых Нюда не сразу, но все-таки узнала отца и своего старшего брата. Туловище отца насквозь пронзал гарпун, который сжимал в руках ее брат. Рот был широко открыт, но не в предсмертном крике. Челюсти отца вгрызались в горло собственного сына!

13-й день после дня «Х», архипелаг Новая Земля, о. Южный

Электронные часы, которые носил Валера Утесов, рядовой срочной службы по прозвищу Утес, остановились на третий день. Почему именно на третий, а не сразу как долбануло, он так и не понял. Да и какая разница? Остановились и остановились. Кому они сейчас нужны, эти часы, когда весь мир провалился в тартарары? Кто будет измерять время, когда на Большой Земле, может, и людей-то не осталось? Если уж даже здесь, на острове, был слышен грохот ядерных взрывов, а небо так и полыхало зарницами, что же тогда на материке творилось?

Грохота уже давно не слышно, а зарницы полыхают по-прежнему. Каждый день и каждую ночь. Хотя тут, на севере, и не разберешь, когда день, а когда ночь. Солнце как выкатилось на небо месяц назад, так с тех пор и висит. Может, теперь всегда будет висеть. А что, запросто, если сдвинулась земная ось. Вон как долбали и наши, и америкосы проклятые, и китаезы узкоглазые – все долбали. Вполне могли весь земной шар перевернуть, а то чего и похуже. Хотя куда уж хуже? Хуже просто некуда...

Валера взглянул на серое, затянутое тучами пепла и радиоактивной пыли небо, сквозь которую едва пробивалось тусклое северное солнце. Все-таки плохо без часов. Поди узнай, сколько осталось до конца его смены. Солдат зябко поежился. Несмотря на теплое фланелевое белье и армейский бушлат на ватной подстежке он продрог до костей, потому что из темного зева, пробитого в скале туннеля и почти на километр уходящего в недра сопки, постоянно тянет холодом. Не сквозняком, а настоящим могильным холодом. Валера чувствует этот холод каждой клеточкой своего тела, но уж лучше сутки напролет караулить вход в ставшее братской могилой подземелье, чем таскать сюда из ангара разлагающиеся трупы. Бойцы, набранные начмедом⁴ в похоронную команду, первые дни почти все блевали. Двое так вообще руки на себя наложили. Поднялись на скалу, где маяк, да и бросились оттуда вниз. Одного потом достали – его тело между камней застряло, а второго так и не нашли – видно, волны унесли труп в море. В части никто не удивился поступку покончивших с собой солдат, да и осуждать самоубийц особо не стали. Решили: их выбор. Многие даже позавидовали: отмучались. После Удара, а особенно после того, как на прибрежную мель вынесло обгоревший военный корабль с облученными до такой степени моряками, что с них пластами отваливалась кожа, у многих на полигоне башни посносило. Командир части даже распорядился изъять из казармы все автоматы. Так что теперь оружие есть только у часовых.

Валера вынул из ножен висящий на поясе штык-нож, долго смотрел на него, потом тяжело вздохнул и вставил обратно. Ни с того ни с сего ему вдруг вспомнилась мать и младшая сестренка, двенадцатилетняя пацанка, оставшиеся в далеком Саратове. Что с ними, живы ли, да и уцелел ли тот Саратов? А может, живы, да облучились и медленно умирают в жутких мучениях, гниют заживо, как моряки с застрявшего на мели противолодочного корабля? Не приведи бог так мучиться. Уж лучше сразу в огне сгореть. Ни боли тебе, ни мучений, лишь горстка радиоактивного пепла...

⁴ Начмед – начальник медицинской службы.

Валера шмыгнул носом и промокнул ладонью повлажневшие глаза. Какой он, нафиг, Утес?! Сопля зеленая, троечник-неудачник, который даже в техникум не смог поступить. Поэтому и загремел в армию. Да еще по своему обычному «везению» угодил на Край Света, на испытательный полигон на Новой Земле. Вот уж край, так край. Крайнее некуда. Служба – кошмар. Целый день с утра до вечера пахота до седьмого пота, словно это стройбат, а не ракетные войска, да еще караулы бесконечные и жратва отвратная. Даже посмотреть не на что – ни тебе леса, ни реки, одни сопки да голые камни вокруг, и еще море. Злое, холодное, к которому даже близко подходить страшно. Валера только и жил надеждой, что год этой каторги рано или поздно закончится, и он вернется в родной Саратов. А оно вон как все обернулось...

Солдат переступил с ноги на ногу, несколько раз тяжело подпрыгнул на месте, чтобы унять дрожь, но так и не смог согреться. Пост перед входом в недостроенную штольню, где хоронят погибших от лучевой болезни моряков, распорядился выставить особист⁵. Это только говорится, что хоронят, а на самом деле облученные, разлагающиеся тела просто сваливают в кучу в конце уходящего под землю туннеля. Только за последние три дня похоронщики оттащили туда более полусотни трупов. Захоронить их по-другому было просто невозможно. А несчастные моряки продолжают и продолжают умирать. И днем и ночью возле ангара, куда по распоряжению начмеда поместили всех облученных, слышны стоны и крики изнывающих от боли людей. Валера сам слышал, когда проходил мимо. Возле ангара тоже есть пост, да еще парный. Часовые, которые несут там службу, затыкают уши пробками из ваты и свечного воска, чтобы не слышать криков, иначе смену просто невозможно выстоять – можно с ума сойти. Но даже с пробками Валера все равно не хотел бы оказаться на их месте. Уж лучше охранять покой мертвецов, чем сторожить доведенных болью до полного безумия обреченных. Если бы еще не было так холодно...

Часовой перевел взгляд на ведущую к военному городку тропу, которую в части с недавних пор стали называть «дорогой смерти». В конце нее показались две шагающие друг за другом фигуры. Неужели разводящий со сменой? Вроде бы еще рано. Валера прищурился и даже приставил к глазам ладонь, чтобы лучше видеть. Нет, не смена. Двое в ОЗК⁶ с носилками – похоронщики. Значит, еще кто-то умер.

На этот раз похоронщики почему-то были без касок и противогазов и только вдвоем, что тоже удивило Валеру. Первым шагал широкоплечий и угрюмый старший сержант из «стариков». Если бы не война, он ушел бы осенью на дембель. Вот кому подошло бы прозвище Утес. Но сержант носил не менее выразительное погоняло – Клин. Его напарник тоже был из старослужащих и такой же угрюмый и неразговорчивый, но как его зовут, Валера не помнил.

Чтобы лишний раз не злить похоронщиков, которые и так постоянно были на взводе, он заранее повернул установленный перед входом рубильник, и по всей штольне зажглись развешенные на протянутом под потолком проводе электрические лампочки. Однако, поравнявшись с часовым, Клин дернул головой, подавая знак напарнику, и они опустили накрытые черной полиэтиленовой пленкой носилки на землю. Только теперь Валера заметил, что у Клина в углу рта зажата выкуренная до самого фильтра дешевая сигарета. Сержант с явным сожалением выплюнул окурочек и, обернувшись к часовому, спросил:

– Утес, курить есть?

– Откуда? – Валера развел руками. Сигареты, папиросы и даже махорка на полигоне всегда были в дефиците. А после Удара командир части приказал собрать все остатки и выдавать поштучно, да то – лишь санитарам и членам похоронной команды.

⁵ Особист (арм. сленг). Официально: оперуполномоченный отдела военной контрразведки.

⁶ ОЗК – общевойсковой защитный комплект, состоящий из прорезиненного плаща с капюшоном, перчаток и чулок.

Но Клинь, видно, об этом забыл и хмуро уставился в лицо часовому, так что тому стало не по себе. Валера опустил глаза и, зацепившись взглядом за накрытые черным полиэтиленом носилки, спросил:

– Еще кто-то из моряков умер?

Вместо ответа Клинь сплюнул в сторону сквозь стиснутые зубы, но затем все-таки заговорил:

– Мы к ним днем больше не ходим. Вечером сразу всех жмуриков заберем. Им уже все равно с кем лежать. Они не разбирают: где живые, где мертвые. Да и мы тоже. Если не шевелится, значит, труп. А это, – Клинь дернул головой в сторону носилок, – особист застрелился.

– Как застрелился?! – опешил Валера.

Худой жилистый контрразведчик, которого в части побаивались все солдаты и офицеры, а по слухам – даже сам начальник полигона, производил впечатление человека, выкованного из стали. Валера и представить не мог, что он может по собственной воле свести счеты с жизнью.

– Как-как? – передразнил его сержант. – Заперся у себя кабинете, выжрал в одиночку припрятанную бутылку водки, да и пальнул в висок из своего «макара». Хоть оттянулся напоследок... Ну, че застыл?! Понесли! – внезапно рявкнул он, обернувшись к своему напарнику и, не дожидаясь его, схватился за носилки.

«Он же не зараженный. Зачем же его туда?» – хотел спросить Валера, но не успел – похоронщики со своей ношей уже скрылись в уходящем под землю туннеле.

Какое-то время Утес видел их раскачивающиеся, постепенно удаляющиеся тени, но внезапно развешанные под потолком лампы погасли, все разом, и туннель мгновенно погрузился в кромешную тьму. Произойти такое могло только в одном случае – если по всей части отключилось электричество. Но на антенной мачте, вздымающейся над контрольно-измерительным центром, по-прежнему горели сигнальные огни. Значит, дело не в электричестве. Валера совершенно растерялся. Если бы у него был при себе фонарь, он бы не раздумывая бросился на помощь похоронщикам. Но фонаря не было. Только штык-нож, полученный перед заступлением на пост.

Валера подбежал к распределительному щитку и остервенело защелкал рубильником, но это ни к чему не привело – свет в штольне так и не загорелся.

«Может, обрушение туннеля? – мелькнула в голове тревожная мысль. – Свод обвалился и перебил провод. Может, и ребят завалило!»

– Клинь! Как вы там?! Живы?! – изо всех сил закричал он в темноту.

Тишина. Даже эха не слышно. Точно, обвал!

Валера уже хотел бежать за помощью, но внезапно услышал несущиеся из туннеля звуки. Странные звуки, похожие на треск деревьев в лютый мороз. И еще топот. Но топот не одного и не двух человек, а множества ног. А потом прямо на него из штольни выбежал напарник Клина с вытаращенными глазами, ссадиной посредине лба и прижатой к шее левой рукой, из-под которой толчками выплескивалась кровь.

– О-они жи-живые! – прохрипел истекающий кровью похоронщик, пытаясь дотянуться до Валеры правой рукой, которая тоже была в крови. Когда он взмахнул ладонью, несколько капель сорвались с его пальцев и упали Утесу на лицо.

Часовой в ужасе отшатнулся. Похоронщик двинулся за ним или на него, но не удержался на подкосившихся ногах и плашмя рухнул на землю. Зажимающая рану рука отлетела в сторону, и из разорванной артерии фонтаном брызнула кровь...

Глава 1

Северные зверобои

Порывистый ветер треплет парус и раскачивает лодку, грозя перевернуть утлое суденышко. Но находящиеся в лодке люди не обращают внимания на ветер, летящие в лицо соленые брызги и проникающий под одежду холод. Вот уже много часов они напряженно вглядываются в поверхность моря, стараясь разглядеть среди гребней волн и проплывающих мимо льдин спину или голову вынырнувшего моржа, тюленя или любого другого зверя, мясо которого спасет от голода их общину надвигающей арктической зимой и темной полярной ночью.

Насколько хватает глаз, вокруг только вода. Вода и льды. Чувствуя приближение холодов, звери ушли в море, покинув известные охотникам лежбища. Но людям некуда идти: от Большой Земли их отделяет изобилующий штормами и ледяными заторами пятидесятикилометровый пролив и холодные воды Баренцева и Карского морей. Да и существует ли та Большая Земля, или десятки и сотни ядерных бомб и ракет, обрушившихся на материк двадцать лет назад, превратили его в безлюдную выжженную пустыню?

А на Новой Земле, на бывшей пограничной заставе, у них есть хотя бы крыша над головой, три подлатанных баркаса и оружие, позволяющее охотиться на морского зверя и отбивать нападения хищников, защищая свой дом. Здесь живут семьи пограничников, бывшие полярники, перебравшиеся на заставу с расположенной по соседству исследовательской станции, и бригадир ненецких зверобоев, приплывших на Новую Землю перед самой войной.

Старого ненца зовут Ванойта, но почти все на Заставе называют его Ваня. Ванойта не обижается. Он давно привык к новому, звучащему на русский манер имени, привык к окружающим людям, заменившим ему пропавшую семью, оставшуюся на Большой Земле. Эти люди по-доброму отнеслись к нему, и он по мере сил помогает им. Двадцать лет он ходил с ними на охоту, показывая, как нужно выслеживать и бить зверя, а когда на заставе закончилась солярка, помог установить на моторных лодках новые снасти и научил ходить под парусом. Его труд не пропал даром. Почти все мужчины на Заставе стали настоящими охотниками, а двадцатитрехлетний Максим уже сейчас превосходит обоих сыновей Ванойты, погибших на охоте много лет назад.

Однако в этом году жителей Заставы преследуют неудачи. Когда неожиданно прохудилась и утонула лодка Максима, а ему самому едва удалось спастись, нужно было сразу принести духам богатую жертву, но жители Заставы не верят в духов. Они оставили их без положенного подношения, вот духи и разгневались на людей, лишив охотников необходимой добычи. А если не добыть мяса и тюленьего жира, то до следующего сезона охоты на Заставе не хватит еды, и многие умрут от голода.

Ванойта это понимает, потому и уступил просьбе начальника Заставы, согласившись провести самых отчаянных охотников на север, в дикие, неразведанные места, где они надеются встретить морского зверя. Но на севере начинается территория злого духа Нга – грозного и ужасного властелина подземного мира. Еще до того, как лишившиеся разума люди принялись жечь землю и убивать друг друга, во владениях Нга уже происходили страшные вещи: тонули большие и малые лодки, гибли охотники, а морские звери, птицы и даже рыбы сходили с ума.

Оттого и беспокойно на душе у Ванойты. Оттого и бьется тревожно сердце в груди. Хмурит старик-ненец морщинистое лицо, глядя на плещущиеся за бортом волны. А подгоняемая ветром лодка плывет и плывет вперед. Все дальше и дальше. На север...

* * *

Сидящий рядом с проводником молодой широкоплечий парень, одетый в армейский прорезиненный плащ, почувствовал охватившую старика тревогу и повернулся к нему.

– Вань, ветер попутный. Пройдем еще немного?

Ненец не ответил, озабоченно вздохнул и еще сильнее запахнул полы собственноручно сшитой из тюленьей шкуры меховой накидки, которую он по-своему называл малицей. В этот раз Вайнота вообще вел себя странно: на охоту отправился с явной неохотой и в пути почти все время молчит, хотя обычно любит поговорить. Можно даже подумать, что старый ненец чего-то боится.

– Дядя Ваня, нельзя нам без добычи возвращаться. Никак нельзя. Правда, Макс?

Максим улыбнулся: это Пашка. Решил поддержать друга. Пока не нашли зверя, ему и остальным гребцам делать нечего, вот Пашку и тянет поговорить.

Но он прав. Скорее всего, это последняя охота в нынешнем году. Еще несколько дней, может, неделя, и море покроется льдом. Начнутся метели, ветер будет сбивать с ног, и ударят такие морозы, что плевок станет замерзать на лету, не долетев до земли. Возможно, уже завтра начальник Заставы прикажет перетащить лодки в ангар, где они будут стоять до будущей весны, а всем жителям – готовиться к зимовке. И к голоду, если охотники вновь вернутся домой без добычи.

Максим взглянул на небо. Низкие темные тучи очень не нравились ему. Только шторма сейчас не хватало. Неужели придется поворачивать? Охотник опустил глаза и сразу напрягся, заметив мелькнувшую среди волн темную точку. Даже не точку, а смазанный штрих, исчезнувший за очередным пенным гребнем.

– Влево! – от волнения он перепутал команду, но правящий лодкой кормщик прекрасно понял его.

– Что там, Макс? – подался вперед Пашка.

Некоторые гребцы даже вскочили со своих мест, но кормщик тут же осадил их, и непоседы плюхнулись обратно на скамьи.

Максиму некогда отвлекаться на беспокойно возящихся в лодке гребцов. Задача забойщика – выследить и загарпунить зверя, и он внимательно смотрит вперед, прощупывая взглядом разбегающиеся перед лодкой волны. Конечно, замеченная им точка могла оказаться телом акулы, которые нередко заплывают в прибрежные воды, или спинным плавником кита-убийцы – самого опасного морского хищника. Но внутренний голос подсказывал, что это не акула и не кит, а долгожданная добыча – тюлень или морж. И интуиция не подвела.

Когда животное вновь показалось на поверхности, Максим отчетливо разглядел в бурлящем водовороте покрытую глубокими шрамами бугристую спину огромного моржа. Старый самец-секач был, наверное, размером с лодку. Схватка с ним грозила смертельной опасностью, и в другой раз Максим не рискнул бы связываться с такой крупной добычей. Но в голодное время выбирать не приходится.

– Морж прямо по курсу! – объявил он, подтягивая к себе тяжелый металлический гарпун.

* * *

С шумным плеском вспенившиеся волны сомкнулись над горбом ушедшего под воду зверя. По лодке прокатился вздох разочарования. Кто-то досадливо выругался – молодые охотники, как всегда, бурно реагировали на сорвавшуюся попытку загарпунить преследуемую добычу. Даже проводник-ненец не удержался от замечания. Только два человека: зве-

робой, застывший на носу лодки с гарпуном в опущенной руке, и сидящий на руле седой кормщик сохранили молчание.

Не отвлекаясь на пустую болтовню, кормщик смахнул с ресниц соленые брызги и, повинаясь жесту зверобоя, повернул руль и натянул шкот, изменяющий положение паруса. Неопытным рулевым сделать это одновременно, как правило, не удавалось. Кормщик с удовлетворением отметил, что, несмотря на возраст, руки по-прежнему слушаются его.

Взлетев на гребень волны, лодка накренилась на левый борт, едва не зачерпнув морскую воду и вызвав новый вскрик сидящих на веслах молодых охотников, но, скатившись вниз, послушно понеслась в указанную зверобоем сторону. Почему он выбрал именно это направление, для всех, кроме самого зверобоя, осталось загадкой. Но через пару сотен метров ушедший в пучину старый горбатый морж вынырнул прямо перед носом лодки. В тот же миг напоминающая сжатую пружину фигура зверобоя распрямилась, зажатый в руке гарпун взметнулся над головой и обрушился вниз, вонзившись в шею показавшегося из воды толстокожего гиганта. Видевшие это гребцы восторженно заголосили, хотя праздновать победу было еще рано: с этого момента схватка между людьми и загарпуненным зверем только началась. Даже не самый крупный морж мог перевернуть лодку или расколоть надвое одним ударом шишковатой головы, вооруженной похожими на слоновьи бивни огромными клыками, а уж загарпуненный Максимом восьмиметровый исполин – и подавно.

Седой охотник с опаской поежился, глядя в напряженную спину зверобоя, травящего тянувшийся за гарпуном линь. Именно ему, управляющему лодкой кормщику, охотники доверяли свои жизни. И он отвечал за них не только перед самим собой, но и перед их родными и близкими и, в конечной счете, перед всей общиной. Если бы вместо Максима в лодке находился другой гарпунщик, кормщик ни за что не позволил ему преследовать столь крупного зверя. Даже если бы его умоляли остальные охотники. Но Максим, или Макс-Зверобой, как его уважительно называют на Заставе, – другое дело. Он смелее, быстрее, точнее и, главное, удачливее любого охотника.

Даже когда весной его самодельная лодка неожиданно затонула, Макс каким-то образом сумел выбраться из ледяной воды и добраться до Заставы, пройдя пешком по берегу почти два десятка километров. Как ему в одиночку удалось преодолеть отвесные скалы и лежбища хищных тварей, в которых превратились обитавшие в Карском море тюлени за двадцать лет после войны, так и осталось загадкой.

Нос лодки резко ушел вниз, зарывшись во встречную волну – значит, выбрав всю длину линя, морж нырнул в глубину. Холодная морская вода с шумом хлынула в лодку. Гребцы испуганно вскрикнули. Даже у старого кормщика сердце сжалось от страха. «Руби конец! Потонем!» – захотелось крикнуть ему упрямому зверобое. Но то ли в груди перехватило дыхание, то ли челюсти свела судорога, то ли понадеялся кормщик на удачу Максима. В общем, промолчал. А Макс лишь тронул рукой натянувшийся линь, и в тот же миг лодка выровнялась – загарпуненный морж пошел к поверхности.

Кормщик вытер выступивший на лбу холодный пот. Вот же счастливый черт! И окончательно обретя голос, прикрикнул на застывших в растерянности гребцов:

– Чего застыли?! Вычерпывайте воду!

Схватив ковши, те тут же принялись за работу, а увлекаемая моржом лодка понеслась по волнам, перелетая с гребня на гребень.

– Часа три потаскает, – заметил Макс, усаживаясь на переднюю скамью.

«Четыре, как минимум! А то и все пять», – мысленно поправил зверобоя старый кормщик, получивший на Заставе прозвище Седой, но спорить с Максимом не стал.

Глава 2

Прошлое и настоящее

В свои пятьдесят два года Седой годился Максиму в отцы, но при общении с ним в последнее время почему-то испытывал смущение, если не робость.

Макс – лучший зверобой, надежда и опора общины. В первобытном обществе люди единогласно выбрали бы его своим вождем. А чем жизнь на Заставе отличается от жизни первобытного племени? Тем, что они пользуются железными, а не каменными орудиями, или тем, что обучают детей грамоте, счету, истории, будь она неладна, и другим наукам? По сути, ничем. Как и их первобытные предки, они живут охотой и только охотой, потому что на острове по-другому добыть пищу просто невозможно: на голых прибрежных скалах не растет ничего, кроме мха и лишайников. А о том, что произрастает за скалами и какие твари там обитают, даже подумать страшно. Никто из смельчаков, рискнувших отправиться в глубь острова на разведку, так и не вернулся назад.

До Войны на Новой Земле водились и песцы, и лемминги, и белые куропатки, в тундре можно было встретить целые стада северных оленей, а на крупнейших в Арктике птичьих базарах собирались десятки тысяч птиц. Но никто из жителей общины уже много лет не видел ни одного оленя, песца или хотя бы лемминга. Погибли ли они сами, или их всех сожрали гигантские саблезубые чудовища, неизменно появляющиеся на берегу с наступлением весны и бесследно исчезающие полярной ночью, так и осталось загадкой. Как и тайна происхождения самих саблезубых монстров, в полтора раза превышающих размерами взрослого белого медведя и покрытых такой же или даже еще более густой белой шерстью, но при этом не похожих ни на полярных медведей, ни на песцов.

Из прежних довоенных времен сохранились лишь птичьи базары, вот только вместо кайр, тупиков и чаек там гнездятся ныне совсем другие обитатели – огромные четырехкрылые длинношеие крыланы, питающиеся не рыбой, которой в прибрежных водах почти не осталось, а тюленями и людьми. Собственные размеры, а в размахе крыльев эти летающие чудовища достигают шести и более метров, позволяют им не бояться ружейных выстрелов, стрел и даже саблезубов. Однажды охотники, вынужденные укрыться от шторма в заливе возле покинутого гнездовья крыланов, обнаружили на берегу останки саблезуба, заклёванного этими тварями. Видимо, голодный монстр пытался полакомиться птенцом или яйцами гигантских птиц, но не рассчитал собственные силы.

Новая Земля всегда была суровым местом – краем сильнейших морозов и ураганных арктических ветров, а после Войны к прежним опасностям Арктики добавились наводнившие острова архипелага и прибрежные воды кошмарные чудовища – жуткие мутанты, порожденные радиацией, излучениями и еще бог знает чем.

Как может выжить человек в таком жестоком, полном смертельных опасностей мире? У Седого был только один ответ на этот вопрос – надеждой. Несмотря на подстерегающую на каждом шагу смерть от когтей и зубов хищников, голода или болезней, несмотря на арктическую стужу и длящуюся несколько месяцев полярную ночь, жители Заставы продолжали надеяться на лучшее. Хотя безжалостная логика естествоиспытателя, сохранившаяся у Седого с довоенных времен, когда он работал на полярной научно-исследовательской станции, подсказывала, что у человеческой цивилизации, сгинувшей в разразившемся два десятилетия назад атомном пожаре, нет будущего. Пройдут даже не сотни, а тысячи лет, пока люди снова заселят обезображенную планету. Если, конечно, доживут.

Он-то уж точно не доживет. Даже если не погибнет, утонув в морской пучине или сгинув в пасти какой-нибудь ненасытной твари, сколько он еще сможет править лодкой? Одно

лето, максимум два! После чего превратится в немощного старика, Юлькиного нахлебника и обузу.

Вспомнив о дочери, Седой сокрушенно вздохнул. Эх, Юлька, Юлька! Мужа бы тебе хорошего. Девчонке уже семнадцать, а один ветер в голове. Все на Макса пялится. Но это, положим, ладно. А вот то, что и Максим в последнее время на Юльку заглядывается, гораздо хуже. Не дай бог влюбятся, да еще детей нарожают!

Кормщик снова взглянул в спину зверобоя и покачал головой. Бывают охотники смелые. Бывают охотники старые. Вот только смелых и старых охотников не бывает. И каким бы счастливчиком не был Макс, когда-нибудь он не вернется с охоты. И останется тогда Юлька одна. И ладно, если просто одна! А если с дитем? Кому она будет нужна со своим приплодом? А одной ребенка растить ох как тяжело. А если выдастся голодная зима, как уже не раз бывало? Тогда что, лечь и подышать?

Старый охотник специально подбирал грубые слова, но от невольных воспоминаний на глазах все равно выступили слезы. Дочь не знала и, дай бог, никогда не узнает, что ее мать умерла от голода.

В тот год море очень поздно вскрылось ото льда, и за короткое северное лето мужчины не смогли забить столько зверя, чтобы добытой пищи хватило для пропитания их семей. Сказать по правде, они не смогли добыть даже половины от потребностей общины. До холодов еще как-то дотянули, но зимой, когда на остров опустилась полярная ночь, на Заставе разразился голод.

Суточную норму урезали четыре раза, как в блокадном Ленинграде. Причем женщины и дети получали половину от того, что выдавали мужчинам. Иначе было нельзя: если бы от голода погибли охотники, добывающие пищу, погибла бы вся община. Это понимали все. Но люди не звери, и мужчины делили собственный скудный паек со своими женами и детьми. Седой тоже большую часть еды отдавал дочери, потому что не мог видеть ее голодные глаза. Тогда, по решению начальника Заставы, охотников стали кормить отдельно от жен и детей. Он лично следил за тем, чтобы мужчины полностью съедали положенную норму, не утаивая ни единой крошки.

Женщин, в отличие от охотников, никто не контролировал, и они могли поступать со своей пайкой по собственному усмотрению. И хотя получаемую ими норму практически невозможно было разделить, почти все матери делились едой со своими детьми. Так поступала и жена Седого. Он видел, как она с каждым днем слабеет, но ничего не мог сделать. К счастью, Юлька была еще слишком мала, чтобы понимать, откуда берется лишний кусочек вяленого мяса, который подкладывала ей мать, или еще одна ложка бульона. Через полтора месяца жены не стало. Она умерла ночью во сне. И Юлька, которую они клали между собой, чтобы ночью ребенку было теплее, первой почувствовала, как заоченело ее тело. Седой сказал дочери, что мама умерла потому, что простудилась, – жена действительно кашляла последнюю неделю. Может быть, и впрямь простыла – многие болели во время зимовки, а может быть, чувствуя приближение смерти, специально обманывала дочь, скрывая от нее правду. Горькие воспоминания разбредили душу старого кормщика. Он до крови закусил губу и прикрыл глаза. Хоть бы Юльке никогда не пришлось точно так же обманывать собственного ребенка...

Что-то произошло! Услышав шум голосов молодых охотников, Седой открыл глаза и поднял голову. Лодка все так же раскачивалась на волнах, но уже не перелетала с гребня на гребень. «Оборвался линь!» – была его первая мысль. Но, подняв голову, кормщик увидел, как Максим, быстро выбрав обвисший конец, снова натянул его.

– Держитесь! – внезапно крикнул он и, подхватив со дна лодки короткое, но тяжелое копье, вскочил со скамьи.

От гарпуна копье отличалось острым нераздвижным наконечником и использовалось для добывания обессиленной добычи. Но прошло еще слишком мало времени, и, судя по тому, с какой скоростью загарпуненный морж только что тянул за собой лодку с охотниками, зверь отнюдь не выбился из сил. Что же тогда задумал Макс? Однако, проследив за взглядом зверобоя, кормщик увидел торчащую из воды в двадцати метрах от лодки усатую морду, покрытую шишковатыми наростами, а, увидев ее, похолодел. Морж явно не собирался спасаться бегством – он готовился атаковать!

* * *

– Весла на воду! – скомандовал за спиной Максима Седой.

Все правильно – опущенные в воду весла придадут больше устойчивости. Но если морж протаранит лодку, никакая устойчивость не поможет. Им уже ничто не поможет.

Гребцы и кормщик с проводником замерли в тревожном ожидании. Одни в ужасе смотрели на несущегося к лодке монстра, другие – на поднявшего копье зверобоя, их последнюю надежду. У него будет только один шанс на единственный бросок, и Макс это понимает. Промажнуться – значит погибнуть. Никакая рана, даже смертельная, не остановит разъяренного зверя и не предотвратит сокрушительный удар его многотонной туши. Только смерть.

Разогнавшийся морж задирает голову, вздымая из воды свои страшные бивни. Пора! Макс подается вперед и выбрасывает навстречу моржу вооруженную руку, одновременно разжимая пальцы. Опережающим сознание чутьем он видит, куда попадет выпущенное копье, и в следующее мгновение оно вонзается туда, куда он и рассчитал, – в налитый кровью глаз зверя. Тридцатисантиметровый заточенный стальной наконечник пробивает глазное яблоко и застревает в голове монстра. По туше моржа пробегает судорога, он конвульсивно дергает головой, и нацеленные на лодку бивни с оглушительным всплеском зарываются в воду. Все, конец.

Макс облегченно перевел дыхание и тяжело опустился на скамью. Руки дрожали от пережитого напряжения, по мокрым от брызг щекам бежали капли воды. Он только сейчас это почувствовал, но не стал вытирать лицо. Схватка со зверем отняла все силы.

Рядом с ним восторженно шумели и гремели баграми гребцы. Суется и зачастую мешая друг другу, они старались развернуть забитого моржа вдоль борта, чтобы привязать его к лодке. Макс не прислушивался к их разговорам, и лишь когда Ванойта одобрительно похлопал его по плечу, благодарно кивнул.

– Молоток, Макс! Прямо снайпер! – донесся с кормы голос Седого, разглядывающего выдернутое из черепа зверя копье. – Часов пять сэкономил. Теперь точно успеем засветло на Заставу вернуться.

Лучше бы он этого не говорил.

Гребцы еще затягивали узлы на веревках, опутывающих тушу убитого зверя, когда Ванойта неожиданно замахал руками, указывая на что-то за бортом, и пронзительно закричал. Обычно невозмутимое лицо ненца перекосила гримаса ужаса. Макс сидел ближе всех к старику и первым заметил это. Он мгновенно развернулся к воде, но ничего не увидел, хотя Ванойта продолжал кричать, мешая от волнения ненецкие и русские слова.

Макс перевел взгляд вдаль и наконец увидел то, что так напугало старого охотника – узкий, как лезвие, черный плавник, стремительно разрезающий волны. К лодке приближался ревун – самый свирепый и опасный морской хищник. У него было много прозвищ: косатка, «черная тень», но Макс считал, что этому монстру больше всего подходит довоенное название – кит-убийца, так как он с одинаковой легкостью расправлялся и с моржами, и с тюленями, и с плавающими на лодках людьми. Даже гроза всей береговой полосы и кош-

мар охотников – саблезубы, заметив среди волн черный плавник ревуна, спешили убраться подальше от воды.

– Заткните уши! – скомандовал Седой, но было поздно.

Одним взмахом своего огромного хвоста ревуна резко сократил расстояние и нырнул в глубину. В тот же миг лодку накрыл акустический удар.

Морщась от боли, Макс вытащил из кармана туго скатанные шарики сухого мха и заткнул ими уши. Неразличимый на слух рев монстра буквально раскалывал голову, но с заткнутыми ушами эту боль хотя бы можно было терпеть. До того, как нынешний начальник Заставы, в прошлом – тоже полярник, друг и коллега Седого, догадался защищать уши пробками из высушенного мха, атакованные ревуном охотники от невыносимой боли сами бросались в воду, где становились легкой добычей монстра.

Макс с тревогой взглянул на своих товарищей. У некоторых парней из ушей текла кровь, но все гребцы вместе с кормщиком, похоже, справились с приступом боли. И только Ванойта упал на дно лодки и корчился в судорогах. Глаза старика закатились, на посиневших губах выступила пена, но сейчас ни Макс, ни кто-либо другой не могли ему помочь.

Лодку сильно качнуло и дернуло вправо – это кит принялся кромсать своими челюстями забитого моржа. Если позволить ему завладеть тушей, все закончится – монстр уплывет с отнятой добычей и оставит охотников в покое. Сделать это очень просто, достаточно обрубить привязные канаты. Седому пришла в голову та же мысль. Выхватив свой охотничий нож, он с силой полоснул им по ближайшей натянувшейся веревке. Но тогда вся община останется без пищи!

– Нет! – крикнул кормщику Максим и, подхватив со дна лодки чей-то багор, вонзил его в воду, целясь в кружащую вокруг лодки черную тень.

Мимо! Выдернув багор из воды, Макс повторил попытку и снова промазал. Несмотря на внушительные размеры, кит был невероятно подвижен, к тому же он не выныривал на поверхность, а заметив или почувствовав погружающийся в воду багор, сразу уходил в глубину. И при этом продолжал терзать тушу моржа, вырывая из нее кусок за куском.

Вода вокруг лодки помутнела от крови. Теперь Макс с трудом различал кружащего в пучине монстра, а порой и вовсе терял его из вида. Действуя скорее интуитивно, чем осознанно, он снова и снова погружал багор в воду. Иногда стальной наконечник сталкивался под водой с чем-то подвижным и упругим, но, не в состоянии пробить толстую кожу ревуна, соскальзывал с нее, не причиняя монстру особого вреда.

– Макс! Я... помогу! – прорвался сквозь звенящий в ушах рев хищника голос Пашки.

С этими словами вооружившийся охотничьим копьем паренек перепрыгнул с лодки на терзаемую монстром тушу добытого зверя.

– Назад, Пашка! Назад! – истошно закричал Макс.

И опоздал. А может, Пашка в пылу азарта попросту не услышал его.

Впившийся в добычу хищник с силой дернул ее на себя. Моржовая туша провалилась вниз, и кое-как балансирующий на ней Пашка полетел в воду.

В последний момент он успел ухватиться руками за борт, и сидящие рядом гребцы потащили его в лодку. Им почти удалось это сделать. Почти. Они уже вытащили Пашку из воды. Оставалось только забросить парня в лодку, когда из воды появилась разинутая пасть монстра, и ужасные челюсти кита-убийцы сомкнулись вокруг Пашкиной ноги.

В тот же миг Макс ударил багром прямо в пасть зверя, пробил частокол оскаленных зубов и, зацепив ворочающийся за ними толстый бледно-серый язык, вонзил свое орудие в нёбо хищника.

Монстр снова взревел, но это был уже не парализующий разум и волю охотничий рык, а вопль ужаса и боли. И его было слышно.

Не переставая визжать, ревун выпустил Пашкину ногу и затряс головой, пытаясь освободиться от застрявшего в пасти орудия. Потом захлопнул челюсти, легко перекусив деревянный черенок багра, и исчез в глубине.

Сразу прошла раскалывающая череп боль. Максим заметил, что и остальные охотники тоже приободрились. Только дрожащий от холода, насквозь промокший Пашка судорожно сжимал ладонями истекающую кровью ногу.

* * *

Каждый вонзившийся в плоть зуб монстра оставил у Пашки на ноге глубокую рану. Макс насчитал девять таких ран: пять с наружной и четыре с внутренней стороны бедра. Они напомнили ему следы от пуль, которые он видел в детстве на тушах убитых охотниками зверей. Это было много лет назад, когда на Заставе еще имелись боеприпасы, и мужчины отправлялись на охоту не с гарпунами и копьями, а с автоматами и карабинами. Но, в отличие от пулевых пробоин, эти раны были гораздо шире и наверняка причиняли парню невыносимые страдания.

Тем не менее он мужественно терпел боль и, стиснув зубы, молчал, пока Седой бинтовал ему ногу.

– Потерпи. Все будет хорошо, – попытался приободрить друга Максим.

Но тут неожиданно подал голос Ванойта. В отличие от Пашки ему повезло, и после отражения нападения ревуна он быстро пришел в себя.

– Не жалец, – уверенно заявил старик, ничуть не смущаясь Пашки, и принялся раскуривать свою костяную трубку, ясно дав понять, что не собирается помогать раненому.

Когда ненец валялся в конвульсиях на дне лодки, Максиму было искренне жаль его, но сейчас он был готов убить старика за эти слова. Зверобой с надеждой взглянул на Седого – опытный полярник понимал в медицине больше старого ненца. Но на этот раз Седой даже не попытался возразить Ванойте.

– Я наложил жгут, но кровь не останавливается. Раны слишком глубокие, – вздохнул он, рассматривая постепенно темнеющую от крови повязку.

Ванойта в ответ нарисовал своей трубкой в воздухе какой-то замысловатый знак и сказал:

– Бесполезно. Нга уже отпил его крови. Теперь его душа станет добычей подземного духа.

И тут Седого прорвало.

– Оставь ты свои шаманские бредни! – воскликнул он. – Какой Нга?! Это был кит! Даже не кит, а дельфин, потому что косатки относятся к семейству дельфинов!

Однако крики кормщика не произвели на старого ненца никакого впечатления. Он глубоко затынулся и выпустил изо рта облако дыма.

– Киты не сводят с ума своим криком. Это злой дух Нга – властелин подземного мира вселился в кита и напал на нас, потому что мы заплыли в его владения. Пока Нга ограничился одной душой, но если не повернуть назад, он вернется за новыми жертвами.

Седой смачно сплюнул под ноги. Макс подумал, что он сделал так, потому что не смог бы достать плевком до Ванойты.

– А как же крыланы, моржи, саблезубы, прочие твари? Они тоже проделки твоего Нга? Просто в результате глобального радиоактивного заражения и применения химического, биологического, лучевого и еще бог знает какого оружия вся наземная и морская фауна чудовищным образом мутировала! И косатки приобрели способность поражать свои жертвы инфразвуковыми волнами.

– Хватит спорить! – вмешался в разговор Максим. – Какая разница, кто на нас напал: кит или злой дух? Чтобы помочь Павлу, нужно скорее вернуться на Заставу.

С этим согласились все.

– На весла, живо! – скомандовал Седой.

Макс занял место Пашки, но не успел сделать ни одного гребка, как налетевший порыв ветра окутал все вокруг облаком плотного, совершенно непроглядного тумана. И сразу лодка заходила ходуном под ударами беспорядочно накатывающих волн.

– Поздно. Нга уже здесь, – обреченно пробормотал Ванойта.

Его закутанная в меховую накидку фигурка едва различалась на носу лодки. Но вот голос! Голос старика донесся откуда-то сверху.

Глава 3

Незнакомый берег

Налетающие волны то и дело перехлестывали через борт, и гребцам приходилось беспрестанно вычерпывать заливающую лодку воду. Угрожающе трещала мачта, а ходящий ходуном румпель норовил выскользнуть из мокрых рук. Титаническими усилиями Седому пока удавалось удерживать взятый курс, но он чувствовал, что и его силы, и запас прочности лодочных снастей на исходе. Если в ближайшее время не укрыться от шторма в тихой бухте, волны разобьют или зальют лодку, и вся команда пойдет на дно вместе с таким трудом доставшейся добычей. По всем расчетам Седого, они уже давно должны были добраться до берега, но за пеленой водяных брызг он видел только море. Море и бесконечные ряды вздымающихся волн.

Сидящий впереди Максим обернулся к кормщику и что-то прокричал. Сквозь свист ветра Седой не разобрал слов, но понять, о чем тот хотел спросить, было нетрудно – беспокоится за своего друга.

Павел еще был жив, но Седой подозревал, что это ненадолго. С каждым часом парню становилось все хуже. Он уже не разговаривал, а только бредил с закрытыми глазами. К тому же от беспрестанной болтанки его тело сползло со скамьи в плещущуюся на дне лодки воду. Чтобы втащить его обратно, пришлось бы отпустить румпель, а кормщик боялся это сделать. Павлу мог бы помочь Ванойта – у него единственного из всей команды не было конкретного занятия. Но едва налетел шторм, старик скрючился на носу лодки и так с тех пор ни разу не пошевелился. Небось бормочет северным ненецким духам свои бесполезные заклинания.

Седой хмуро взглянул в спину старого ненца, а когда отвел взгляд в сторону, застыл от изумления и страха. В первый миг бывалому кормщику даже показалось, что он неведомым путем перенесся в преисподнюю ненецкого бога Нга, потому что, откуда ни возмись, перед лодкой выросла железная громада огромного корабля, явно покинутого командой.

По лодке прокатился невольный возглас. Бросив весла и черпаки, гребцы показывали на стальную махину руками. Значит, это не галлюцинация, и корабль существует в реальности. Но как он столько времени продержался на плаву? Однако приглядевшись внимательнее, Седой понял, что судно не движется. Ошибочное впечатление создавали волны, прокатывающиеся вдоль ржавого борта. Да и палуба с потемневшими от времени корабельными надстройками, облепленными то ли мхом, то ли еще каким-то волокнистым мочалом, лишь на пару метров возвышалась над поверхностью воды. Похоже, корабль прочно сидит на мели, а это значит, что... берег рядом!

– Все на весла! – перекрывая шум ветра, закричал Седой.

Его энергия передалась гребцам. Или парни тоже почувствовали близость долгожданной земли, близость спасения. Две пары весел вспенили морскую воду. Забыв про усталость, Седой намертво вцепился в руль и принялся командовать, задавая ритм. Подгоняемая гребцами лодка обогнула застрявшее судно и сразу оказалась на спокойной воде. Нет, волны здесь по-прежнему ходили ходуном, но уже не перехлестывали через борт. И даже рев бури с подветренной стороны корабля звучал не так угрожающе. А главное – впереди прямо по курсу виднелись поднимающиеся из воды скалы с башней берегового маяка, а за ними – покосившийся и едва различимый за пеленой водяных брызг и носящейся в воздухе снежной крупы судовой причал.

– Земля! Берег! Спасены! – радостно закричали все.

Все, кроме старика Ванойты.

Большей частью от причала остались одни заржавевшие стальные сваи, криво торчащие из воды. Настил железобетонного покрытия не выдержал кислотных дождей, ливших в первые годы после разразившейся ядерной катастрофы, и суровых арктических зим, рас трескался и обвалился, а волны унесли обломки расколовшихся бетонных плит в открытое море. Но Седой сумел подвести охотничью плоскодонку к самому берегу, и зверобой общими усилиями вытащили на прибрежные камни сначала тушу добытого моржа, а затем и саму лодку.

Приходилось спешить – короткий северный день подходил к концу. Молодые парни понимали, что борются за собственную жизнь, поэтому старались изо всех сил. На этот раз даже Ванойта не остался в стороне. Правда, от тщедушного старика оказалось мало пользы, и основная нагрузка вновь легла на гребцов и старого кормщика.

За работой Седой даже не заметил, как наступила ночь. Шумящее в нескольких шагах море и уходящий в неизвестность каменистый берег поглотила крошечная мгла. Кто-то из молодых попытался зажечь факел, но намокший трут никак не хотел загораться, и парень только зря щелкал кресалом. А ведь одного факела мало. Чтобы согреться или хотя бы просушить одежду, надо развести настоящий костер. Да и от непогоды нужно где-то укрыться. На открытом месте в мокрой одежде они и до утра не протянут на таком ветру.

Лучше всего разводить огонь получалось у Максима, но тот почему-то не спешил прийти на помощь. Седой поискал глазами зверобоя. Макс сидел на коленях возле Павла, которого собственноручно вынес из лодки. Похоже, кроме состояния раненого друга, его больше ничего не интересовало.

– Макс, надо развести огонь. И найти место для ночлега.

Парень не пошевелился. Похоже, он даже не услышал, что к нему обращаются.

Седой почувствовал раздражение. Ясно, что Пашке конец. Сколько он еще протянет: час или больше, уже не имеет значения. А вот если не позаботиться об остальных, погибнут все!

– Макс! – повысил голос Седой. Зверобой нехотя поднял голову. – Займись огнем, а...

Он не договорил. Ночную тьму расколола ослепительная вспышка молнии, за которой последовал оглушительный удар грома. Седой даже присел от неожиданности, а двое гребцов и вовсе в ужасе шарахнулись в стороны. Северные грозы вообще большая редкость, а уж в конце лета – особенно. Седой не помнил ни одного подобного случая за все время своих арктических наблюдений. Неудивительно, что парни так отреагировали.

– Что это было? – испуганно пробормотал один из них.

– Нга, – обреченно пробормотал Ванойта и, закрыв глаза, затянул своим писклявым голосом какую-то заунывную ненецкую песню.

В другой раз Седой непременно бы дал резкую отповедь языческим бредням старика и поставил его на место. Но не сейчас. В напугавшей молодых охотников вспышке было что-то противоестественное. И хотя она длилась лишь мгновение, бывшему полярнику показалось, что молния ударила не в землю, а наоборот – из земли в небо. Но и это не имело значения, потому что полыхнувшая молния отчетливо высветила на берегу вход в пещеру или, скорее, прямоугольный лаз, прорубленный в скале.

– За мной! – обрадовано скомандовал Седой. – Здесь есть укрытие. И растормошите старика, пока он не заснул от своего пения.

К кормщику вновь вернулось хорошее настроение. А внутренний голос подсказывал, что они найдут в обнаруженной пещере не только укрытие от ледяного ветра, но и топливо для костра.

* * *

Свод таинственной пещеры, которую Седой назвал незнакомым Максиму словом «штольня», подпирали деревянные сваи. Похожие на них деревянные болванки, только гораздо короче, лежали и на дне пещеры. К ним крепились узкие металлические полозья, протянувшиеся от наружного отверстия пещеры в глубину казавшегося бесконечным темного хода. На Заставе по таким полозьям спускали на воду и вытаскивали на берег охотничьи лодки, а вот для чего они потребовались в скальной пещере, начинающейся почти в полутысяче шагов от воды, было совершенно непонятно. Никогда в жизни Макс еще не видел сразу столько дерева – видно, люди до войны не экономили на древесине.

Седой отобрал несколько покосившихся свай, которые затем разрубили на дрова, и вскоре в пещере запылал костер. Огонь по собственной инициативе развел Ванойта, но, похоже, старик все еще был не в себе, потому что сделав это, принялся неистово бормотать какие-то заклинания, чем окончательно вывел из себя Седого, и тот отогнал его от огня. Со стороны это выглядело довольно грубо, но Ванойта не обиделся на кормщика, послушно отошел прочь и расположился у входа в пещеру. Хотя, как показалось Максиму, так и не прекратил своего занятия. Сам Макс слишком устал, чтобы вслушиваться в бессвязное бормотание старого ненца, да и состояние друга волновало его гораздо больше.

На Пашку было страшно смотреть. Кожа на скулах натянулась, а по лицу разлилась смертельная бледность. Влажные ресницы смерзлись. Максим аккуратно очистил их от намерзшего инея, но Пашка так и не открыл глаза. Глядя на его неподвижное, словно застывшее лицо, невозможно было представить, что еще утром это был веселый, бесшабашный парень, выдумщик и озорник, каким Максим знал его всю жизнь.

Сзади неслышно подошел Седой. Почувствовав его приближение, Макс резко обернулся. Он с уважением относился к опытному кормщику, но почему-то сейчас хотелось, чтобы Седой ушел. Однако тот не уходил. Он долго смотрел на лежащего на земле Павла, потом перевел взгляд на Максима.

– Крепись, Макс. Это наша общая потеря. Павел был отличным парнем. Из него мог получиться настоящий охотник.

– Что? – Максим недоуменно сдвинул брови, пытаясь понять смысл слов Седого. – Почему был?

Кормщик изменился в лице. Глубоко посаженные глаза испуганно забегали из стороны в сторону.

– Ты что, не видишь? Он... умер.

– Нет! – Макс подался вперед, чтобы заслонить Пашку от глаз Седого и защитить от его страшных слов. – Он жив! Жив! Вы ничего не видите! Оставьте нас! Все оставьте!

Седой хотел что-то сказать, но не решился и молча отступил. Следом за ним отодвинулись остальные охотники. Только бормочущий заклинания Ванойта не сдвинулся с места.

Сопровождаемый настороженными взглядами гребцов, Максим перенес Павла ближе к огню и, уложив на землю, устроил его голову у себя на коленях. «Это просто сон. Пашка согреется, отдохнет и придет в себя. Он очень устал. Они все очень устали... Тяжелая охота, потом еще этот шторм...»

Макс резко вскинул голову, недоуменно глядя перед собой. Похоже, он отключился и опять не заметил этого. Это началось еще прошлой весной, когда его самодельная одноместная лодка, сшитая из моржовых шкур, развалилась буквально на глазах – расползлась по кускам, как размокшая бумага, и он оказался в ледяной воде. Очнулся уже на берегу, но как ни старался, так и не сумел вспомнить, что произошло между этими двумя событиями. Как он сумел выбраться на берег, для всех, включая самого Максима, так и осталось загадкой.

Лишь один Ванойта не стал ломать голову, объявив его чудесное спасение вмешательством северных духов. Но подобным образом старый ненец объяснял практически все происходящее – от внезапной перемены погоды до несчастных случаев на охоте.

Все бы ничего, если бы эта история не получила неожиданное и неприятное продолжение. Как-то, проснувшись на рассвете, Макс обнаружил, что его ладони и пальцы исцарапаны и испачканы налипшей грязью, словно он рыл землю голыми руками. Где? Когда? И главное – зачем? Вновь никаких воспоминаний. Потом такое стало происходить с ним все чаще, причем не только по ночам. Иногда он отключался надолго, иногда всего на несколько мгновений. Бывало, только прицелится в преследуемую добычу, и вот уже гарпун торчит из пронзенной шкуры раненого зверя, а остальные охотники дружно поздравляют его с точным броском.

Но сейчас был явно не тот случай. Расположившиеся вокруг костра охотники крепко спали и, похоже, уже давно. Продрогшие гребцы тесно прижались друг к другу. Рядом с ними расположился и Седой. Голова спящего кормщика свесилась на грудь. Из-за низко надвинутого капюшона Макс не видел его лица (если бы не знакомая всем на Заставе полярная куртка Седого, можно было подумать, что под капюшоном и вовсе не он), только щетинистый подбородок и угол приоткрытого рта, из которого, словно сосулька, свисала капля густой, затвердевшей слюны. Ванойты видно не было, но почему-то отсутствие ненца не удивило Макса. От разведенного стариком костра осталась лишь куча золы да несколько догорающих углей в центре. Макс понял, что пробыл в беспамятстве как минимум несколько часов!

Почувствовав озноб, Максим потянулся за свежими поленьями, но, едва дотронувшись до них, отдернул руку. Полено, к которому он прикоснулся, оказалось обжигающе холодным, как та злосчастная железная уключина, которую он в детстве на спор с другими такими же пацанами лизнул языком на морозе. Но не внезапно сковавший тело холод заставил его замереть от страха, а руки и спину покрыться пупырчатой, как бы сказал Седой, «гусиной» кожей. Вернее, не только холод, а ощущение присутствия в пещере кого-то постороннего, чужого. И этот чужой был совсем рядом. Буквально в двух шагах. А может, и ближе.

Стараясь не шевелиться, Макс осторожно повел глазами из стороны в сторону, но не заметил ничего подозрительного. Правда, догорающие угли освещали лишь узкий пятачок вокруг костра, все остальное пространство пещеры тонуло в непроглядном мраке. Не полагаясь на зрение, Макс напряг слух и вновь ничего не услышал. Даже шороха! А ведь снаружи должен завывать штормовой ветер. Внезапно он поймал себя на мысли, что не слышит ни сонного дыхания своих товарищей, ни потрескивания угасающего костра. Он вообще ничего не слышал! Тишина была плотной, буквально осязаемой и холодной, как высасывающая из тела последнее тепло и затягивающая в пучину морская вода. Только поднимающийся от костра легкий дымок удерживал Максима на грани реальности.

Внезапно стелящиеся под сводами пещеры клубы дыма всколыхнулись, словно через них беззвучно прошествовало что-то огромное. Максиму даже показалось, что он видит надвигающуюся на него бесформенную тень. Сердце сжалось от ужаса, щеки и пальцы онемели, как при обморожении, а дыхание стало вырываться изо рта белыми клубами. Но в следующий миг остававшиеся в костре угли вспыхнули в последний раз и погасли. Все разом. И наступила полная, абсолютная темнота...

* * *

Почувствовав чье-то прикосновение, Седой с трудом разлепил глаза. Перед ним стоял Ванойта – вот же неугомонный старик! – и настойчиво тряс его за плечо. Заметив, что кормчий проснулся, ненец сморщил свое и без того морщинистое лицо и заявил:

– Надо уходить!

Не обращая на него внимания, Седой потянулся и покачал головой, разминая затекшую за ночь шею.

– Утро уже. Шторма нет. Надо уходить, – как заведенный повторял Ванойта.

Несмотря на погасший костер, в штольне посветлело – похоже, действительно наступил рассвет. Хотя это и не извиняет того, кто должен был поддерживать огонь! Впрочем, поиски и наказание виноватого можно отложить до лучших времен.

Кормщик кое-как поднялся на негнущиеся ноги и, тяжело шагая, направился к выходу. К одревенению затекшей шеи прибавилась боль в спине и ломота в суставах. Он чувствовал себя так, будто его со всех сторон отходили палками. Сон не принес облегчения, как это бывало в молодости, двадцать лет назад. Впрочем, тогда ему не приходилось спать на голых камнях возле разведенного из подручных средств костра. С тоской вспомнив свою раскладную походную койку в жилом отсеке исследовательской станции, Седой выбрался наружу и зажмурился от бьющего в глаза солнечного света. После темноты подземелья даже едва поднывавшееся над горизонтом северное солнце казалось ослепительно ярким.

Вытерев выступившие слезы и прикрыв глаза ладонью, Седой осмотрел окрестности. Вокруг простирался все тот же унылый мрачный и холодный пейзаж, который за четверть века на Севере успел ему осточертеть: огромные валуны, голые скалы да изрезанные глубокими трещинами сопки. Хотя до войны суровая северная природа отнюдь не казалась молодому полярнику ни мрачной, ни унылой, а наоборот, вызывала восхищение.

«До войны все было другое. И мы были другими», – грустно отметил Седой.

В последние годы он все чаще задумывался о безвозвратно утерянном прошлом, связывая это с приближением надвигающейся старости. Но на этот раз ностальгические воспоминания оказались недолгими. Увиденное у подножия ближайшей сопки вытеснило из его головы все посторонние мысли. Там тянулись ряды каких-то построек и непонятных сооружений с возвышающейся над ними металлической конструкцией, в которой Седой с трудом опознал стрелу автокрана или экскаватора. Тогда рухнувшая на крышу одной из построек решетчатая мачта прежде, несомненно, была приемно-передающей антенной, достаточно мощной, чтобы поддерживать надежную связь в Большой земле или проходящими северным морским путем грузовыми, а может, и с военными кораблями. От построек в сторону моря вела расчищенная от валунов тропа, скорее, даже дорога, достаточно широкая, чтобы по ней могли беспрепятственно двигаться автомобили, гусеничные вездеходы, да и более тяжелая техника. Удивительно, как он, проработавший в общей сложности несколько лет на новоземельской исследовательской станции, ничего не слышал об этом объекте на севере острова. Ведь строительство явно началось задолго до войны – не иначе, тут приложили руку военные, тщательно скрывавшие ведущиеся здесь работы. Или все-таки слышал?

Бывший полярник напряг память, но погрузиться в воспоминания не успел: из штольни вылетел один из гребцов, нервно подпрыгивающий от возбуждения.

– Седой, скорее! Там Павел очнулся! – глаза парня лихорадочно блестели, а на лице отражалась смесь самых разных и противоречивых чувств от испуга и растерянности до поистине щенячьего восторга.

Нечто подобное наверняка появилось и на лице старого кормщика, когда он услышал последние слова.

– Что значит очнулся? Как?! Он же...

– Так и мы думали: все, ласты склеил! Ночью лежал мертвее мертвого, а сейчас в себя пришел!

– Не может быть!

Больше всего это походило на глупый и жестокий розыгрыш, но гонец явно верил своим словам.

– Отвечаю! Да идемте же! Сами все увидите! – парень схватил кормщика за рукав и потащил обратно в штольню.

Сначала Седой слышал перебивающие друг друга громкие голоса, а затем увидел и фантастическую, совершенно невероятную, как ему казалось еще мгновение назад, картину.

Возле потухшего костра, чуть ли не в золе сидел на коленях Макс и по-детски радостно улыбался. А перед ним в совершенно непринужденной позе развалился Павел и недоуменно, словно он сам не верил в собственное чудесное исцеление, озирался вокруг. Парня осаждали вопросами остальные гребцы, которым не терпелось узнать, как он себя чувствует. Но увидев приближающегося кормщика, они сразу замолчали и обернулись к нему.

– Ты как? – растерянно пробормотал Седой. Ничего другого ему в голову просто не пришло.

Павел пожал плечами:

– Нормально.

И, окончательно добив окружающих, согнул в колене раненую ногу. Седой так и застыл с отвисшей челюстью – в довоенное время должно было пройти, наверное, не меньше месяца, чтобы больной с такой травмой смог сделать нечто подобное.

Неизвестно, сколько бы еще продолжалась эта немая сцена, если бы Ванойта не нарушил общее молчание:

– Нужно уходить. Скорее. Пока еще можно.

Неуместная болтовня старика обычно раздражала Седого, но сейчас он, наоборот, почувствовал облегчение. Сам того не ведая, Ванойта снял с него внезапно навалившийся груз. И не только с него.

– Да-да, надо скорее возвращаться на Заставу, – поддержал старика Макс. Его слова окончательно вывели Седого из оцепенения.

– Разделить добычу и погрузить в лодку! Все за работу! Живо! Отплытие по готовности!

Привычное дело, четкие и ясные команды вернули ему потерянную уверенность. Ну, или почти вернули.

* * *

Пашка готов бы взяться за разделку добычи вместе со всеми, и только категоричный запрет Максима удержал его от этого. Однако он не успокоился и, когда тушу моржа разрубили на куски и по частям загрузили в лодку, неожиданно предложил осмотреть виднеющиеся вдали постройки, до которых пешком пришлось бы добираться, наверное, четверть часа, а то и больше. И это здоровому человеку, а не Пашке с его покалеченной ногой! Но тут уж вмешался Ванойта, заявивший, что они и так потеряли непозволительно много времени в этом, как он выразился, «холодном месте». Против никто ничего не имел, так как всем хотелось поскорее вернуться на Заставу.

Бушевавший накануне шторм за ночь утих, сменившись вполне умеренным ветром, позволившим снова поставить парус. Больше всего этому обрадовались гребцы, которых поднятый парус избавлял от утомительного труда. Что касается Макса, то он чувствовал в себе силы грести до самой Заставы. После чудесного, по-другому не скажешь, спасения лучшего друга, он был готов и не на такие подвиги. И хотя о полном выздоровлении Пашки говорить было, конечно, рано – он все еще выглядел очень бледным, а разбухшая и потемневшая от засохшей крови повязка на его ноге вообще вызывала ужас, – Макс не мог не отметить, что ему стало заметно лучше.

Расположившись на месте зверобоя, которое уступил ему Максим, Пашка задумчиво смотрел на удаляющийся берег. Макс тоже обернулся назад, но не заметил штольни-пещеры,

в которой они провели ночь. Ту часть сопки, где располагался вход в пещеру, заслонял скалистый утес. Как же Седой накануне смог ее разглядеть?

Он перевел взгляд на кормщика, чтобы задать ему этот вопрос, но тот опередил его:

– Весла на воду!

Ходко бегущая по волнам лодка приблизилась к застрявшему на мели кораблю, заслонившему наполняющий парус ветер, и гребцам пришлось снова взяться за работу. Позже, когда мертвый корабль остался далеко за кормой, и Седой приказать сушить весла, Макс забыл про свой вопрос. Его переполняла радость, а все страхи и загадки минувшего дня остались в прошлом.

– Как себя чувствуешь? Нога сильно болит? – на всякий случай поинтересовался он у Павла.

– Нормально. – Пашка широко улыбнулся и похлопал по накрученной на бедро повязке.

– Ты это кончай! – испугался за него Макс. – Разбредишь рану! Как вернемся на заставу, покажи ногу доктору.

– Чего там смотреть, – пренебрежительно отмахнулся Пашка. – Да и много ли наши доктора понимают?

– Вот это ты зря, парень, – вмешался Седой, который, оказывается, тоже прислушивался к разговору. – Катерина, может, и немного, но чего с фельдшера взять? А Сергеич – мужик головастый, без малого кандидат наук. Такого врача еще поискать. Он у нас на станции и полярников, и ненцев лечил, разбирается что к чему.

Тощий, но крепкий и жилистый Сергеич с большой лысой головой и круглыми смешными очками на курносом, вздернутом носу, которые он почти никогда не снимал, напоминал Максу доброго доктора Айболита из детской сказки. Он тоже любил зверей, только мертвых, – мог часами копаться в тушах убитых охотниками моржей и тюленей, изучая устройство тела и вырезая отдельные органы. А вот живых откровенно боялся. Зато когда несколько лет назад на Заставу напали голодные саблезубы и одному из них удалось прорваться через огораживающий двор частокол, Сергеич бесстрашно выбежал навстречу монстру и запустил в него горячей бутылкой со спиртом. Бутылка отскочила от шкуры саблезуба, не причинив зверю никакого вреда, и разбилась, ударившись о камни. Однако вспыхнувшее на земле пламя напугало хищника, он начал метаться по двору, напоролся на кол, после чего подоспевшие охотники смогли его убить.

Но наибольшее уважение Сергеич приобрел именно за открытый им способ получения спирта. По словам самого доктора, запасы медицинского спирта закончились на Заставе уже в первый год после войны. Макс не знал всех подробностей его изысканий, да и никто на Заставе не интересовался этим. Главное, что в конце концов Сергеич сконструировал аппарат, где путем выпаривания смеси специальным образом вымоченного мха и забродивших ягод получалась бледно-розовая жидкость, очень похожая на довоенный медицинский спирт. Во всяком случае, все на Заставе считали именно так.

Большую часть врачебных обязанностей Сергеич поручил своей помощнице Катерине, которая до войны работала фельдшером на Заставе, когда здесь еще служили пограничники. Именно она лечила простуды и обморожения, принимала роды у женщин и консультировала будущих матерей. Зато всеми травмами и ранениями, когда было не обойтись без помощи хирурга, Сергеич занимался сам.

После печально памятного случая с затонувшей лодкой Максима, доктор внимательно осмотрел его. Долго простукивал пальцами тело и слушал легкие, даже заглянул в рот и в зрачки, но в конце только развел руками: «Не знаю, как ты выжил, пробыв столько в холодной воде. Видно, судьба. Хотя кое-что указывает, что ты пережил клиническую смерть. Впрочем, это неважно. Я бы на твоём месте задумался, почему вдруг утонула лодка?»

«Я сам удивляюсь!» – признался Максим.

«Вот и подумай над этим», – закончил медосмотр Сергеич.

Что он хотел сказать тогда, Макс так и не понял.

Глава 4

Возвращение

Прежде чем выйти в открытое море, пришлось долго плыть по изрезанному узкими бухтами заливу. Максим с любопытством разглядывал вздымающиеся из воды почти отвесные голые скалы. Однако первое впечатление о пустынности берегов оказалось ошибочным. Сначала Макс заметил раскинувшееся на камнях тело мертвого кальмара, а может, гигантской медузы – расстояние не позволяло как следует рассмотреть существо, которое недавний шторм выбросил на берег, а попросить у Седого ради забавы его бинокль зверобой не решился. В другом месте на берегу появилась лохматая фигура саблезуба. Зверь пытался достать или выловить что-то из скальной расщелины, но, почуяв посторонний запах, поднял голову и проводил проплывающую мимо лодку пристальным взглядом. На всякий случай гребцы еще до команды Седого взялись за весла, но хищник не стал преследовать лодку охотников. В воде у него было не так много шансов догнать двуногую добычу, как на берегу, и зверь прекрасно понимал это. Тем не менее, когда силуэт монстра растаял вдаль, все находящиеся в лодке почувствовали облегчение.

Перед выходом из залива Макс почувствовал, что его товарищей вновь охватывает тревога: закурил свою костяную трубку Ванойта, нервно откашлялся сидящий на корме Седой, завопили на скамьях гребцы. Никто не забыл вчерашнюю схватку с китом-убийцей, едва не закончившуюся для Пашки, да и для всех остальных, трагически. Но на этот раз тревога охотников оказалась напрасной: шторм, видимо, распугал морских хищников, заставив их уйти в глубину. Во всяком случае, сколько ни вглядывался Макс в плещущуюся за бортом воду, он не заметил ни стай акул, ни кошмара всех выходящих в море охотников – ревунов. Иногда попадались куски расколовшихся льдин, в основном мелкие, Седому даже ни разу не пришлось менять курс, а встречающиеся на пути льдины гребцы и сам Максим попросту отталкивали баграми. «Плыть бы так до самой Заставы», – с надеждой подумал он.

Так они проплыли до вечера. Неумолимо клонящееся к закату солнце окончательно нырнуло за горизонт, а Застава или хотя бы знакомые берега так и не появились. Управляющий лодкой Седой, который уже часа два как, не таясь, озабоченно разглядывал компас, нахмурился и объявил:

– Заночуем на берегу. На рассвете продолжим путь.

Максим не мог ничего понять. Если накануне они плыли до места высадки день с небольшим, значит, и обратный путь должен занять примерно столько же. Но раз даже такой опытный кормщик, как Седой, десятки, а то сотни раз выходивший в море, не узнает берег, значит, они еще далеко от Заставы.

Гребцы недовольно переглянулись. Ночевать в незнакомом месте не хотелось никому. Кто знает, что их там ждет? Хорошо если лишь голые камни. А если клыки и когти саблезубов?

– Нельзя на берег! Нужно плыть! Плыть дальше! – выразил общее мнение Ванойта. – Если надо, я могу сесть у руля.

– Или я! – поддержал старого ненца Макс.

Седой строго взглянул на него и сдался:

– Вздремни пару часов, потом сменишь меня.

Сон долго не приходил. Привязав себя к скамье веревкой, чтобы случайно не вывалиться за борт, Макс привычно расслабился. Но стоило закрыть глаза, в голову полезли воспоминания прошлой ночи. По прошествии дня они сильно смазались, и теперь Макс уже вовсе не был уверен, что все, что он видел и чувствовал ночью в пещере, происходило в

реальности. Может, все это: и внезапный озноб, и тень, и колышущийся в безмолвии дым было кусочками сна, привидевшегося ему ночного кошмара? Хотя знобило его, скорее всего, по-настоящему – в пещере было чертовски холодно.

– Макс, Макс...

Узнав голос Седого, он открыл глаза – значит, все-таки удалось немного вздремнуть.

– Отдохнул? Сможешь вести лодку?

– Конечно! – зверобой энергично кивнул.

– Тогда садись на мое место, а я пару-тройку часов подремлю.

Уступив Максиму румпель, Седой перебрался к гребцам.

– Повезло нам с ночью – небо светлое. Но если что, сразу буди.

По небу разливался переливающийся призрачный свет, который Седой и те, кто постарше, называли «северным сиянием». Почти всем на Заставе нравилось смотреть на загорающиеся в темном небе блуждающие огни, хотя сам Макс ничего красивого в них не видел. Они напоминали ему пылающие волны, скатывающиеся с горящего неба на беззащитную землю. Вот и Ванойта называл загорающийся в вышине свет «небесным огнем» и всякий раз при виде разноцветных всполохов озабоченно хмурился. Но разгоревшийся в небе «огонь» освещал путь их охотничьей лодке, тут Седой оказался прав – в этом им действительно повезло.

Глядя, как кормщик устривается на скамье гребцов, Макс неожиданно спросил:

– Вы не знаете, куда прошлой ночью выходил Ванойта из пещеры?

Тот резко повернулся:

– А он куда-то выходил?

Макс пожалел о своем вопросе, но и обманывать Седого тоже не хотелось. Он неопределенно пожал плечами:

– Не уверен, просто ночью я его в пещере не видел.

Седой нахмурился:

– Надо будет разобраться.

Макс не стал ничего отвечать. Он с большим уважением относился к кормщику. Впрочем, как и к Ванойте, и сейчас искренне пожалел старика. Слишком грозно прозвучало последнее обещание Седого.

О чем бы тот не думал, но многочасовое управление лодкой утомило даже бывалого кормщика, и вскоре чуткий слух Макса уловил свистящее похрапывание Седого. Почти сразу к нему подсел Ванойта. Чувство неловкости усилилось.

Старик долго молчал, посасывая свою погасшую трубку, – не иначе собирался с мыслями. Наконец вынул трубку изо рта и, указав на наполняющие лодку куски моржовой туши, сказал:

– Много еды. Хорошо.

Морщинистое лицо Ванойты, как обычно, ничего не выражало, но голос звучал совсем не радостно.

– Теперь до конца зимы точно хватит, – уточнил Макс.

– Хорошо, – повторил старик тем же печальным голосом, потом повернулся к Максиму и неожиданно быстро зашептал ему прямо в лицо: – Нельзя возвращаться! Обещай, что никогда не вернешься назад! И другим не позволишь! Никому не позволишь!

Макс брезгливо отодвинулся и попытался отгородиться от наседающего ненца ладонью. Изо рта старика несло тухлятиной, а может, и чем-то еще.

– Куда возвращаться?

– Туда, где мы были. Это гиблое место. Обитель Нга – подземного духа!

Макс неожиданно почувствовал раздражение. Скорее всего, виной тому стали безумный взгляд старика и вонь из его рта.

– Не знаю, чье это место, – резко сказал он, – но если бы мы вчера не нашли эту бухту и не высадились на берег, то наверняка утонули. А если бы даже лодка выдержала, то Пашка с его раной точно не пережил вчерашний шторм.

– Подземный дух никогда не отпускает свои жертвы. Твой друг скоро умрет. Его душа уже отравлена ядом.

– Что ты несешь?! – Макс замахнулся на старика, но в последний момент сдержал сжатый кулак. – Вань, иди, проспись! И не болтай чушь!

Ванойта даже не понял, что только что едва избежал затрешины. Поднял свое морщинистое личико с доверчивыми глазами и залепетал по-новой:

– Нельзя возвращаться. Никому нельзя. Там смерть.

– Да понял я, – огрызнулся Макс.

Ванойта одобрительно кивнул и тут же нырнул в гущу гребцов. Черт бы побрал выжившего из ума старикана.

* * *

На этот раз Седого разбудили громкие голоса. «Павел умер!» – была первая мысль. Но когда он открыл глаза, увидел, что Павел как ни в чем не бывало сидит на носу лодки, на месте зверобоя, и вместе с другими гребцами радостно машет руками.

– Наконец-то! Вернулись! Застава! С возвращением! – раздавалось с разных сторон.

Седой приподнялся на скамье – рассмотреть, что впереди, мешал трепещущий перед глазами парус. Но когда кормщик выглянул из-за него, то увидел знакомые очертания родного берега. Сердце радостно забилось в груди, и он с облегчением плюхнулся обратно на скамью. Добрались. Все-таки добрались!

Над морем занимался рассвет, и огни северного сияния сменились теряющей краски бледно-сиреневой дымкой. Значит, он проспал не два-три часа, как собирался, а гораздо дольше. Седой повернулся к Максиму, которого оставил за себя возле руля. Тот сидел с совершенно невозмутимым видом и лишь слегка улыбался, хотя должен был немедленно разбудить кормщика, едва завидев родные места. Не иначе, решил сам привести лодку на Заставу, хитрец.

– Не устал еще? Давай-ка, освобождай место, – нарочито строго сказал Седой, но изобразить гнев не получилось, и он смягчился. – Кто первым заметил?

Макс прекрасно понял вопрос.

– Я. Как стало светать, показалось что-то знакомое. Пригляделся – точно, наша бухта.

«Вот же глазастый черт! – с завистью подумал Седой. – Даже раньше Пашки разглядел, который сидит на носу, считай, на месте впередсмотрящего». Он вынул из-за пазухи бинокль и приложил к глазам. Плыть до берега оставалось не больше часа, а при попутном ветре – и того меньше. Эти воды считались безопасными. На подходе к бухте напасть на охотников могли только крыланы, но еще до наступления холодов гигантские птицы вместе со своими выводками подались на юг, оставив Новую Землю людям и настоящим хозяевам островов – саблезубам.

Седой все-таки забрал у Макса румпель. Привести на Заставу вернувшуюся с добычей лодку – почетное право кормщика, и он не хотел уступать его никому. Тем более, может статься, это его последний выход в море. Он тяжело вздохнул. Мысли о все ближе подкрадывающейся старости и связанной с нею необходимостью оставить любимое дело опечалили радость благополучного возвращения домой.

На Заставе тоже заметили вошедшую в бухту лодку. Весть о возвращении охотников мгновенно облетела общину, собрав на берегу едва ли не всех жителей. С радостными криками носилась по берегу детвора. Наиболее отчаянные сорванцы подбегали к самой воде,

рискуя промочить ноги. За ними отдельной группкой стояли матери и отцы молодых охотников. Кроме них на берегу было много других людей, но эти несколько человек стояли отдельно. Словно невидимая стена отгородила их от остальных встречающих. На памяти Седого так было всегда. Его это не удивляло. Все потому, что другие в первую очередь думали о добыче охотников и о своем пропитании грядущей зимой, а родители – о возвращении своих сыновей.

Глядя сейчас в лица трех отдельно стоящих женщин и двух мужчин, счастливые и радостные у тех, кто уже разглядел в подплывающей лодке своего ребенка, и напряженные и взволнованные у тех, кто еще не смог это сделать, Седой отчасти позавидовал Павлу, который, как и его друг Макс, рос сиротой. Если бы парню так и не удалось выкарабкаться, каким ударом стала бы его смерть для родителей! А какого бы пришлось Юльке, если бы не Пашке, а ему, старому кормщику, косатка отхватила полноги? Рассуждая о себе, Седой нисколько не сомневался, что с такой раной он бы точно не выжил.

Он поискал глазами дочь. Вместо того, чтобы степенно стоять вместе с родителями молодых охотников, ожидающих возвращения своих детей – как-никак семнадцать лет, почти невеста, – Юлька, как коза, скакала по прибрежным камням вместе с ребятей. Ее оранжево-красная, ушитая специально по фигуре полярная куртка, ярким пятном мелькала то тут, то там. Седой поднял руку, чтобы привлечь внимание дочери, но та, видно, не заметила его жест. Зато, когда на ноги поднялся Макс, радостно замахала в ответ. Не сдержавшись, Седой сердито сплюнул под ноги, потому что плевать за борт запрещали морской устав и вековые обычаи ненцев. Все-таки надо вправить Юльке мозги. Ох, надо. Пока еще не поздно...

Когда нос лодки ткнулся в расчищенный от крупных валунов галечный пляж и зверобой стали по очереди выбираться на берег, Юлька, соблюдая приличия, вначале подошла к отцу.

– Привет, па. С возвращением, – обняв Седого, она чмокнула его в щетинистую щеку. Мазнула губами по лицу. Он едва почувствовал прикосновение. «А со своим Максом, поди, уже в засос целуется!»

Отстранившись от отца, девушка с любопытством заглянула в лодку.

– Да вы с добычей. Поздравляю. Ого, сколько мяса! Это ж какой зверюга был? Как вы с таким справились? Наверное, Макс постарался?

И бросила-таки на зверобоя быстрый лукавый взгляд. Седому этот взгляд очень не понравился.

– Он, – нехотя ответил кормщик.

– Трудно пришлось? А почему задержались? Мы вас еще вчера ждали.

Как же, «вас»! Небось, только по Максусвоему соскучилась.

– В шторм попали.

– Правда? – удивилась Юлька. – А здесь все тихо было. Вообще ни одного облачка. И небо яркое-яркое. Я в это время такого никогда не видела. Надо у дяди Вани спросить, к чему бы это?

Раздражение Седого усилилось. Он сердито дернул дочь за рукав:

– Чего его спрашивать? Вечно порет всякую чушь, а ты и уши развесила, будто девчонка сопливая.

– Пап, ты не прав. Дядя Ваня много о Севере знает.

– Да что он знает?! – взорвался Седой. – Пересказывает старые ненецкие легенды, в которых сам ни черта не смыслит! Да еще и перевирает их как попало!

Вокруг образовалась тишина. Последние слова слышали все. Ладно бы только Ванойта – черт с ним! Так еще и охотники со своими родными, и просто любопытные, собравшиеся

возле лодки, чтобы взглянуть на добычу. Седой понял, что перегнул палку. Юлька это тоже поняла.

– Папа, пойдем домой. Охота была трудной, да еще шторм. Тебе надо отдохнуть.

«Скажи еще, что отец стар для такого дела!» – гневно подумал Седой и, когда дочь попыталась увести его с пляжа, вырвал руку.

– Некогда мне отдыхать. Лодку нужно лодку разгрузить и Карпу доложить, как все прошло.

– А когда вернешься?

– Не знаю. Дел много.

Седой демонстративно повернулся к дочери спиной и поискал глазами старого друга. Того уже должны были известить о возвращении бригады охотников, однако среди встречающих его не оказалось. Кормщик перевел взгляд в глубь берега и сразу обнаружил того, кого искал. Карп резво шагнул к пляжу со стороны командного пункта, где еще с довоенных времен располагался рабочий кабинет начальника заставы.

* * *

Вопреки всеобщему ликованию конец разговора получился совсем нерадостным. Отец отчего-то рассердился, а Юля так и не поняла, чем его расстроила. Но это несильно опечалило ее. С возрастом отец стал раздражительным, и подобные срывы у него уже случались. Хотя прежде на людях он старался сдерживать себя.

«Ничего, – успокоила себя девушка. – Главное: жив и здоров. Это просто усталость. Отдохнет, успокоится и придет в норму». Жизнь горстки людей на продуваемом ветрами скалистом берегу в окружении беспощадных северных чудовищ ежедневно дает куда более серьезные поводы для беспокойства, чем грубые высказывания одного из них по отношению к другому. Тем ценнее редкие поводы для радости.

Улыбаясь, Юля подошла к Максиму.

– Привет! Папа сказал, ты опять отличился?

Вокруг возвратившейся охотничьей лодки собралось множество людей, поэтому приходилось выбирать выражения, чтобы случайно не выдать себя.

– Было дело...

Макс тоже старался не показывать окружающим своих чувств. Причем у него это получалось совершенно естественно и непринужденно – Юля даже немного расстроилась. Вот и сейчас он лишь приветливо кивнул ей и снова повернулся к своему другу Пашке, который никак не мог выбраться из лодки. Не навиделся с ним что-ли?

Опираясь на плечо Максима, Пашка перебросил через борт обмотанную окровавленными бинтами ногу. У Юли волосы на голове зашевелились от ужаса, когда она увидела потемневшую от крови повязку.

– Паша, что с тобой?!

– На ревуна напались, – ответил за друга Макс.

– На ревуна?! – еще больше ужаснулась Юля. – Как же вы...

Она прикрыла ладонями рот, представив, что должны были испытывать Макс, отец и другие охотники, атакованные ужасным морским чудовищем, беззвучные вопли которого буквально сводили людей с ума.

– Отбились, как видишь. Правда, Пашка чуть без ноги не остался.

– Ничего. Главное, обошлось, – преувеличенно бодро ответил Павел.

И хотя с помощью Макса он довольно ловко выпрыгнул из лодки, выглядел Пашка совсем неважно. Кожа на лице натянулась, щеки ввалились и побелели, словно при обморожении, бескровные губы покрывали многочисленные трещины. Кусал он их, что ли? Навер-

ное, кусал – от боли еще не то сделаешь. В первый миг из сострадания к Павлу Юля хотела обнять его, однако сейчас эта мысль вызывала у нее отвращение.

Макс нетерпеливо хлопнул Пашку по спине:

– Потом хвастаться будешь. Пошли в медпункт.

В отличие от своего друга он выглядел куда более взволнованным. Впрочем, Пашка всегда отличался некоторым безрассудством.

– Карп, мы в медпункт! – громко крикнул Макс подошедшему начальнику Заставы. – У Пашки серьезная рана.

Дядя Карп повернулся и, взглянув на замотанную Пашкину ногу, озабоченно покачал головой:

– Сами доберетесь? Может, дать провожатого?

– Я помогу, – неожиданно для себя выпалила Юлька.

Не стоило лишний раз злить отца, но уж очень не хотелось, чтобы Макс, едва вернувшись, сразу покинул ее. Еще больше не хотелось, чтобы он ушел вместе с Павлом.

Несмотря на полученную рану, Пашка шагал довольно бодро – Юля даже удивилась. Навстречу со стороны Заставы спешили припозднившиеся жители общины: мужчины, женщины, дети. Всем хотелось своими глазами увидеть, как будут разгружать вернувшуюся лодку и взвешивать привезенную охотниками добычу. Большинство пробежало мимо, но те, кто успевал разглядеть искалеченную Пашкину ногу, бледнели от страха, некоторые даже останавливались, но заговорить с Павлом никто не решился. Сам он тоже не раскрывал рта. Молчали и Юля с Максимом. Им как раз было о чем поговорить, но присутствие Павла делало откровенные разговоры невозможными.

В медпункте, как назло, никого не оказалось: ни Катерины, ни желчного старика Сергеича. Может быть, Сергеич и был хорошим врачом, но Юле он никогда не нравился, а с недавних пор она вообще старалась его избегать. Как-то раз она зашла в медпункт по своей женской надобности и вместо Катерины нарвалась на Сергеича. Он был пьян – последнее время такое случалось с доктором довольно часто – хотя и не сильно. Первый делом старикан тоже предложил ей выпить. Не успела Юля отказаться, как он принялся лапать ее и пытался повалить на кушетку. Юля с трудом вырвалась и убежала. Она никому не рассказала об этом случае, даже отцу, но всякий раз при виде Сергеича цепенела от стыда и страха. Наверное, поэтому и попросила Максима научить ее защищаться. Он сначала удивился: зачем тебе это? Но потом все-таки согласился. Показал, как следует обращаться с ножом, куда бить, как уворачиваться от клювов крыланов и когтистых лап саблезубов, хотя и честно предупредил, что в схватке с любым из этих монстров один на один у человека практически нет шансов спастись. Последний месяц Юля с увлечением осваивала стрельбу из лука и, хотя Макс не спешил ее хвалить, чувствовала, что у нее уже неплохо получается.

В темной и пустой прихожей Пашка опустился на лавку возле запертого процедурного кабинета. Юлю это удивило: насколько она помнила, прежде ни Сергеич, ни Катерина, уходя из медпункта, не запирали рабочий кабинет. Макс недоуменно подергал дверную ручку и уселся рядом с другом, а девушка осталась стоять. Пашка посмотрел на нее – его глаза неприятно блеснули в темноте. Юля даже поежилась, потом перевел взгляд на Максима.

– Макс, чего вам здесь торчать? – неожиданно предложил Пашка. – Идите, развлекайтесь. А встретите Сергеича, скажите, что я его здесь жду.

Как ни странно, это разумное предложение не очень-то понравилось Максиму.

– Ты точно дождешься? – недоверчиво спросил он.

– А куда я денусь?

Действительно. Но Макс по-прежнему сомневался. Даже когда Юля взяла его за руку и настойчиво потянула к выходу, он встал и, переминаясь с ноги на ногу, сказал:

– Ладно, мы быстро. Найдем Сергеича, и сразу назад.

Юля обиженно надула губки, но Макс в темноте этого, конечно, не заметил. Порой его мальчишеская привязанность к Павлу становилась просто невыносимой.

К счастью искать Сергеича долго не пришлось. Видимо, кто-то уже сообщил ему о Пашкином ранении, и, выйдя из дверей медпункта, Юля сразу увидела шагающего по двору доктора. Он противно шмыгал носом, словно к чему-то принюхивался, и нервно потирал свои похотливые руки. Макс подбежал к нему, начал что-то говорить, но Сергеич отмахнулся и, стараясь не встречаться взглядом с Юлей, боком прошмыгнул в медпункт.

Макса это удивило.

– Странный какой-то, – пожал плечами он и уже собирался шагнуть следом, но Юля удержала его на месте.

– Я только узнаю о Пашкином самочувствии, – попытался отговориться Макс, но она не приняла его оправданий.

– А мое самочувствие тебя не интересует?

Убедившись, что поблизости никого нет и за ними никто не наблюдает, девушка приблизилась к Максиму свое лицо.

– Но...

Не дожидаясь ответа, который уже не имел смысла, Юля обвила Макса руками за шею и, подавшись вперед, накрыла его рот своими губами.

– Папа после разгрузки хотел переговорить с дядей Карпом. Сказал, что у них много дел... – прошептала она, переводя дыхание после долгожданного поцелуя. Это окончательно решило дело.

* * *

Седой познакомился с Карпом в довоенном мире, канувшем в лету, когда того еще звали Леонидом. Это он придумал амбициозному климатологу и по совместительству заместителю начальника полярной исследовательской станции шутовское прозвище, являющееся производным от его фамилии Карпатьев. Со временем прозвище превратилось в псевдоним, и вот уже много лет все жители выросшей на месте бывшей пограничной заставы охотничьей общины называли Карпатьева только так. Некоторые уже и забыли его настоящую фамилию, а молодежь вроде Юльки и Макса вообще не знала ее никогда.

Пропустив Седого в кабинет, доставшийся Карпу в наследство от начальника пограничной заставы, тот прошел к расшатанному канцелярскому столу и вынул из нижнего ящика свой знаменитый термос, в котором каждое утро собственноручно заваривал брусничный чай, а затем и бутыль розоватого самогона, который с успехом гнал Сергеич из мха и ягод все той же брусники.

Бледно-розовая жидкость полилась в жестяные кружки. Карп первым поднял свой импровизированный бокал:

– С возвращением!

– Давай, – вяло откликнулся Седой. Хотя он и не принимал непосредственного участия в разгрузке лодки, но после возвращения с охоты чувствовал невероятную усталость.

Самогона ударил в голову, и кормщик запоздало сообразил, что на голодный желудок сразу не нужно было пить так много. Карп будто прочитал его мысли, снова полез в ящик и выложил на стол пергаментный кулек с кусками мелко нарезанного вяленого мяса.

– Чуть не забыл! Угощайся, – и, так как гость не спешил притронуться к еде, сердито добавил: – Ешь и не стесняйся! Вы столько мяса привезли, теперь не то что до весны, до лета хватит. Может, и «дневную» норму сокращать не придется.

«Это вряд ли», – подумал Седой, но все-таки взял из пакета и отправил в рот аппетитный мясной ломтик. Традиционно летняя или «дневная» суточная норма пищи отличалась от той, которую получали жители Заставы зимой во время полярной ночи. Причем все отличия заключались в уменьшении суточной пайки.

– Давай по второй, – Карп снова взялся за бутылку, но Седой прикрыл свою кружку ладонью.

– Погоди, поговорить надо. Или налей мне лучше чайку – что-то знобит.

Карп не стал возражать, хотя и плеснул в наполненную чаем кружку пару глотков самогона. «Для аромата», – объяснил он. Седой с удовольствием втянул в себя остро пахнущую свежесваренными брусничными листьями жидкость и, оставив пустую кружку, сказал:

– Когда мы искали место, чтобы укрыться от шторма, наткнулись на заброшенный прибрежный поселок.

Карп недоверчиво сдвинул брови. Седой подумал, что именно так и должен реагировать на его слова начальник Заставы.

– Где?

– Где-то на севере острова.

– Ты ничего не путаешь? Настоящий поселок, а не чья-то временная стоянка?

– В том-то и дело! Поселок с жилыми или хозяйственными постройками, судовым причалом и экскаватором!

– Экскаватором? – переспросил Карп. Похоже, именно последнее наблюдение убедило его в том, что старый товарищ говорит правду.

– Может, не экскаватором, а подъемным краном, – уточнил Седой. – В сам поселок мы не заходили – не до того было. Но то, что там осталась строительная техника, это точно.

– А как далеко вы ушли на север? Что сказал Ванойта?

Седой поморщился:

– Ничего путного. Бубнил все время про обитель подземных духов, про проклятые земли. Ерунду, одним словом! Я не прислушивался. А вот ходу до того поселка при попутном ветре около двух суток.

Карп надолго задумался, потом снова полез в стол, но на этот раз достал оттуда не выпивку и не закуску, а отпечатанную для пограничников крупномасштабную карту Новой Земли с типографским грифом «секретно» в верхнем углу.

– Гляди, – он подвинул карту к Седому. – Если ты ничего не путаешь, то, похоже, вы, сами того не ведая, нашли поселок Северный. Ты пролив помнишь?

– Залив, хотя... може, и пролив, ведь дальше поселка мы по нему проплывали. «Маточкин шар», – прочел Седой отпечатанное на карте название узкого пролива, разделяющего два самых крупных острова Новой Земли. – А Северный – это же название полигона, где еще во времена СССР проводились подземные ядерные испытания?

– Я тебе больше скажу. Перед войной полигон хотели возродить: завезли технику, прорыли новые штольни...

– Точно! – перебил друга Седой. – Мы в такой штольне и ночевали! Значит, там и люди должны были остаться?

Карп отчего-то сразу помрачнел:

– Дело темное. Я обещал никому не говорить, да теперь чего уж... В общем, где-то через две недели после всех ядерных ударов местные пограничники перехватили странную радиопередачу. Сам знаешь, тогда эфир на всех диапазонах был забит сплошными помехами, а тут – довольно чистый радиосигнал. Поэтому решили, что источник находится здесь, на острове. Я сам ту радиопередачу не слышал, но командир заставы и радист рассказывали, что речь шла о какой-то неизвестной болезни, вроде эпидемии безумства, охватывающей

все новых и новых людей. По словам перепуганного радиста, больше всего это сообщение походило на предостережение или сигнал тревоги.

– А потом? – осторожно спросил Седой.

– Потом все: сигнал оборвался, и попытки пограничников восстановить связь ни к чему не привели.

– Когда, говоришь, это было?

– Приблизительно через неделю после войны.

– Сейчас поселок выглядит заброшенным, – начал рассуждать Седой. – Выходит, все жители погибли?

Карп пожал плечами:

– Это, может быть, и никак не связано с болезнью. Кто знает, что там могло произойти за двадцать лет?

– А из Крепости эта радиопередача не могла идти?

Крепостью называлось большое, из нескольких сотен жителей, поселение на юго-западном берегу, в двухстах километрах от Заставы. Жизнь там строилась по военному принципу: всем распоряжался комендант, которому помогали несколько приближенных офицеров – его заместителей. Крепость выросла на месте военного городка в поселке Белушья Губа, где размещался гарнизон ядерного полигона. Помимо солдат и офицеров ядерного полигона там проживали семьи летчиков с расположенного по соседству военного аэродрома Рогачево. Как и на Заставе, основным занятием обитателей Крепости была охота, а также сбор грибов и ягод, а если повезет, то и богатых белком гигантских яиц крыланов. Но в отличие от жителей Заставы, гарнизон Крепости располагал большими, еще довоенными, запасами продовольствия, дизельного топлива и боеприпасов. Их зверобои по-прежнему отправлялись на охоту на моторных лодках и пользовались не примитивными гарпунами, луками и стрелами, а дальнобойным нарезным оружием. Да и зимой во время полярной ночи обитатели Крепости куда меньше зависели от добытого охотниками мяса и заготовленного тюленьего жира. Но после недавнего открытия сложившееся положение могло измениться.

Седой впился вопросительным взглядом в лицо Карпа. Тот покачал головой:

– Нет, мы бы знали.

– Значит, из Северного, – заключил Седой.

Карп утвердительно кивнул:

– Больше неоткуда. Других поселков на острове нет.

– Даже если все жители погибли, в Северном могли остаться продукты, оружие, патроны. Да, наверняка остались! В этом сезоне уже вряд ли получится, а будущей весной надо будет обязательно организовать разведывательную экспедицию.

– Поселок уже давно могли разграбить мародеры из Крепости, – справедливо заметил Карп, и Седой вынужден был признать его правоту.

– Могли. Но проверить все равно надо.

Мысленно он уже представлял, как распахивает двери склада, под завязку забитого ящиками с консервами или бочками с горячим.

* * *

– Знаешь, я когда вчера тренировалась, загадала: если попаду в мишень семь раз подряд, по числу охотников в вашей бригаде, вы все вернетесь, – призналась Юля.

Ее тонкие губы распухли от поцелуев, старательно зачесанная на бок челка безжалостно растрепалась, но в таком виде Юлька нравилась Максиму еще больше. Вряд ли бы с ним сейчас согласился Седой, который мог вернуться в любой момент.

– Ну и как, попала? – думая совсем о другом, Макс погладил голый живот девушки, ощущая подушечками пальцев податливую мягкость ее нежной кожи.

Когда они поженятся, он сможет все свободное время наслаждаться ее гибким, горячим телом, а не так как сейчас: урывками, втайне от ее отца.

– Да. И это с двадцати шагов! Правда, одна стрела сломалась. Но вы все равно вернулись, значит, я молодец!

– Ты просто умница.

Попасть с двадцати шагов в подвешенный на веревке и раскачивающийся на ветру мешок, да еще семь раз подряд, сможет не каждый. Вот только что сделает выпущенная из лука стрела тому же саблезубу?

Ладонь скользнула ниже, и Юлька на это немедленно отреагировала. Но совсем не так, как хотелось Максиму:

– Макс, куда ты лезешь?!

Он нехотя убрал руку, потом перевернулся на бок и поцеловал девушку в угол рта.

Они лежали на широком топчане в комнате Седого, которую он делил с дочерью. Впрочем, широким топчан был только для сна, а не для того, что на нем только что происходило. К тому же в нетопленном с утра помещении было довольно прохладно, поэтому они не раздевались. Юлька лишь сбросила свою полярную куртку, которой очень гордилась, а с остальной одеждой быстро справился Макс. Уже через несколько секунд ее свитер и все, что под ним находилось, было задрано почти до плеч, а узкие штанишки, обтягивающие стройные Юлькины ножки, бесстыдно спущены до колен.

От поцелуя девушка закатила глаза и глубоко задышала. Теперь с ней можно было делать все, что угодно, но Макс не воспользовался представившейся возможностью. Они и так уединились дольше всех разумных пределов, а ему следовало заботиться о добром имени и репутации своей возлюбленной.

– Прости, малыш. Твой отец вот-вот вернется.

Юлька все поняла, сочувствующе взглянула на партнера, ловко натянула штанишки, опустила и расправила свитер, и села, приняв вполне пристойный вид. Правда, растрепанные волосы, блестящие глаза и распухшие от поцелуев губы выдавали ее с головой.

– Макс, накануне вашего отплытия папа неожиданно завел разговор о свадьбе.

Максим не поверил своим ушам. Сердце от радости чуть не выпрыгнуло из груди.

– Правда?! Ты все-таки решилась ему рассказать?! И он не против, чтобы мы поженились?!

Но Юлька в ответ хмуро покачала головой:

– Он хочет, чтобы я вышла замуж за Бориса.

Максу словно плеснули в лицо ледяной водой.

– И ты... выйдешь? – с трудом выдавил он из себя.

Юлька испуганно взглянула на него и вдруг рассмеялась звонким заливистым смехом:

– Ну какой же ты глупый! Сильный, ловкий и глупый. Я тебя люблю. Тебя и только тебя. А Борис просто похотливый урод, как...

– Как кто? – нахмурился Максим.

Глаза девушки испуганно метнулись из стороны в сторону, но ответить она не успела. Во входную дверь негромко, но настойчиво постучали, а потом снаружи раздался взволнованный голос Ванойты:

– Юля, ты дома? Макс с тобой?

Глава 5

Предчувствие беды

Никогда еще Юля не видела дядю Ваню таким встревоженным. Более того, он выглядел испуганным. Смертельно испуганным. Старик едва взглянул на открывшую дверь девушку и прямо с порога бросился к поправляющему одежду Максу.

– Они хотят туда вернуться! Хотят вернуться!

Ни Юля, ни Максим ничего не поняли из его бессвязного бормотания.

– Кто хочет? Куда вернуться? – на всякий случай Макс отодвинулся от наседаящего на него старика.

В другой раз Юлю это бы рассмешило, но только не сейчас.

– Что с вами, дядя Ваня?

Он даже не взглянул на нее.

– Начальник с Седым хотят вернуться на землю Нга! Хотят по весне отправить туда лодку с охотниками. Нельзя! Там Нга, его пещера. Охотники погибнут. Все люди и звери могут погибнуть.

– Вань, ты про то место, где мы были?

– Там всюду смерть. Холодное место. Если нарушить границу, весь мир может замерзнуть.

– Нарушить границу? – испуганно переспросила Юля, но Макс оборвал ее.

– Подожди.

Макс, видимо, понял, что пытается объяснить дядя Ваня, и снова повернулся к нему.

– Седой с Карпом хотят исследовать то место, где мы укрывались от шторма? Но откуда ты знаешь, что они собираются это сделать?

– Начальник встретил меня во дворе, спросил, запомнил ли я путь и смогу ли весной провести назад лодку. Я сказал, что возвращаться нельзя. Мы разбудим ледяного подземного духа. Нга – страшный дух, ужасный демон! От его дыхания кровь застывает в жилах и все вокруг превращается в лед. Если он проснется и вырвется из своего подземного мира, то убьет всех людей и зверей и заморозит всю землю. Но они не стали меня слушать. Седой рассмеялся и сказал, что я сошел с ума. Но я не сошел с ума. Макс, помоги мне!

Старик неожиданно разрыдался. Юля впервые видела, чтобы добрый и горячо любимый ею дядя Ваня так горько плакал. А сейчас по его щекам текли крупные слезы. Они тяжелыми каплями падали вниз и разбивались, оставляя на полу широкие влажные пятна. Смотреть на это было невыносимо.

– Макс, сделай же что-нибудь! – взмолилась девушка.

– Что? – Зверобой впервые оказался в такой ситуации и лишь растерянно развел руками.

Почувствовав ее поддержку, дядя Ваня схватил Максима за руку и с новой силой заговорил:

– Пойдем к ним! Тебя они послушают!

– Хорошо-хорошо. Куда они пошли?

– К доктору.

– В медпункт, к Сергеичу? – уточнил Макс, и старик энергично кивнул.

– Ладно, идем, – вслед за дядей Ваней Максим направился к двери, но поравнявшись с Юлей, повернулся к ней. – Ты с нами?

«Конечно!» – захотелось сказать ей, но для предстоящего объяснения с отцом был не самый подходящий момент. Опять же с Сергеем пришлось бы встречаться, чего ей совсем не хотелось.

– Я тебя здесь подожду, – ответила девушка и, несмотря на присутствие старого ненца, чмокнула Максима в щеку.

* * *

– Нет, ты слышал, что он сказал?! – раздраженно спросил Седой, когда сгорбленная фигурка Ванойты скрылась из вида. – Совсем старик из ума выжил!

«И зачем только мы его кормим?» Последний вопрос так и чесался на языке, и Седому пришлось приложить немало усилий, чтобы не задать его вслух. Карп однако молчал, а когда Седой взглянул в лицо старого товарища, удивился еще больше.

– Ты что, не согласен со мной?

– Вообще-то север нашего острова и вся прибрежная зона пролива – довольно любопытное место, – не ответив на вопрос, заметил Карп.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, например, то, что температура вечной мерзлоты там на несколько градусов ниже, чем на прилегающей территории. И что особенно любопытно, она только понижается по мере углубления под землю.

– Так ты что, веришь этим байкам про ледяных подземных духов? – опешил Седой. Чего-чего, а такого от старого товарища он никак не ожидал.

– Я верю в результаты исследований, – глядя мимо него, ответил Карп. – А я ведь сам проводил замеры, когда до войны работал в нашей экспедиции на севере острова. И могу со всей ответственностью сказать, что эта температурная аномалия возникла практически одновременно с формированием нынешнего облика архипелага. Кстати! Разделяющий острова пролив проходит по линии тектонического разлома. Геодезисты по заданию военных исследовали этот район и выяснили, что трещины уходят в глубь земной коры на несколько километров. В таких местах часты землетрясения и извержения вулканов, но на Новой Земле ничего этого нет! Словно кто-то снимает избыточное напряжение земной коры и отводит накапливающуюся в недрах энергию.

– Подземный дух? – насмешливо спросил Седой, но Карп опять не ответил.

У человека, вот уже два десятка лет откликающегося на это прозвище, почти не было тайн от своего довоенного друга. Но про случай, который он до сегодняшнего дня считал простым курьезом, не знал даже Седой. В бесконечно далеком 2010-м году в журнале «Nature» была опубликована статья молодого ученого Карпатьева, в которой на основании построенной им климатической модели доказывалась несостоятельность набирающей все большую популярность теории глобального оледенения, получившей название «Земля – снежный ком». Приведенные Карпатьевым расчеты показывали, что процесс глобального оледенения является необратимым, и в случае покрытия всей поверхности Земли сплошным многокилометровым панцирем льда и снега, как утверждалось в теории, наша планета навсегда бы превратилась в безжизненную ледяную пустыню. Вопреки ожиданиям ученого, статья не вызвала широкого резонанса в научных кругах, не считая неожиданного обращения к нему за консультацией представителей одного из зарубежных эзотерических обществ. Помимо уже приведенных в статье расчетов, их интересовали изменения климата в плейстоцене⁷ в отдельных районах Земного шара. Эзотерики держались солидно, солидным оказался и гонорар, заплаченный ими за консультацию, – почти две тысячи долларов, поэтому

⁷ Плейстоцен – начальная эпоха четвертичного периода в истории Земли, более известная как «Ледниковый период».

от общения с ними у Карпатьева остались только приятные воспоминания. На прощание он поинтересовался, чем вызван их интерес к климату плейстоцена, а получив ответ, с трудом сдержал улыбку. Оказывается, эзотерики всерьез считали, что Ледниковый период был вызван божественно-космическими силами, и надеялись с его помощью получить научные доказательства этому. Чтобы не скомпрометировать себя среди коллег, Карпатьев сохранил в тайне свои контакты с эзотериками и думал, что уже давно забыл об этом эпизоде своей биографии. Но сегодняшний разговор со старым ненцем неожиданным образом напомнил о той давней встрече.

– Тебе не приходилось слышать об организмах, получающих энергию не в результате биохимических реакций, а забирающих ее в чистом виде, непосредственно из окружающей среды?

– Что за чушь?! – воскликнул Седой.

Карп вздохнул:

– Когда я впервые услышал об этом, то так и подумал. С другой стороны, существуют же бактерии, кристаллизирующие охлажденную воду. Так почему бы не предположить возможность существования бактерий, способных поглощать тепловую энергию из окружающей среды, таких невидимых «пожирателей тепла»?

– Ты просто бредишь!

– Может быть... – Карп снова вздохнул. – Но в результате войны возникло столько жизненных форм, совершенно невероятных с точки зрения традиционной науки, что я уже ничему не удивляюсь. Человечество столетиями доказывало, что жизнь моновариантна, зато сейчас появился веский повод задуматься, что это может быть и не так. Что если мы ошибались, и на самом деле жизнь инвариантна? Если она возникает и развивается по-разному, вне привычных нам химических реакций? И между прочим, на стадии формирования Земли отбор энергии из окружающей среды был единственным способом существования для первых микроорганизмов. В изоляции от внешнего мира, где-нибудь в замкнутых подземных пещерах или тектонических трещинах, эти пионеры жизни могли сохраниться до наших дней. Я даже боюсь пытаться представить, во что могла трансформироваться колония таких протобактерий за миллиарды лет эволюции. Ведь это тот самый загадочный и неизвестный параллельный мир, о котором до войны любили рассуждать ученые и писатели-фантасты.

– Чушь! – убежденно повторил Седой. – Во время войны в результате ядерных взрывов было выброшено столько энергии, что разросшаяся на ней колония твоих протобактерий расплзлась бы по всей земле.

– И вся планета покрылась бы льдом, – мрачно добавил Карп.

Сознание саднящей занозой пронзила мысль, что именно от этого, хотя и другими словами, пытался предостеречь Ванойта.

* * *

Как и все постройки на Заставе, за исключением ангара со слесарной мастерской, где зимой хранились охотничьи лодки, медпункт представлял собой установленную на сваях многослойную железную бочку. Седой с Карпом поднялись по хлипкой металлической лестнице и, войдя внутрь, оказались в темном и узком тамбуре, из которого можно было попасть в расположенные друг за другом медицинские кабинеты. Однако внутренняя дверь, ведущая в первый из них, оказалась заперта на замок.

Карп долго стучал, а потом также долго дергал дверную ручку. Седого это удивило.

– С чего это Сергеич стал запирается?

– Боится, как бы у него готовый самогон не украли, – усмехнулся Карп и, остро глянув в глаза товарищу, добавил. – Да и еще был повод...

Ответной реакции не последовало, и Карп сказал:

– Странно. Куда Сергеич, интересно, мог уйти? Обычно он целыми днями торчит или в кабинете, или в своей «лаборатории».

В последнем слове отчетливо слышался сарказм, так как кроме сконструированного доктором самогонного аппарата в его лаборатории больше ничего не было.

– Ладно, вернется, – Карп махнул рукой. – Пошли к Борису. К Сергеичу потом заглянем.

Из слесарки доносился скрип вращающихся механизмов и скрежет железа по точильному кругу.

– Хоть этот на месте, – усмехнулся Карп, подходя к неплотно прикрытой двери.

Войдя внутрь, они увидели восседающего за точильным станком Бориса, который обтачивал на круге неровно выпиленную из куска жести угловатую тяпку, а рядом с ним – терпеливо ожидающую завершения работы немолодую женщину с небольшим узелком в руках. Основным сырьем для изготовления скобяных изделий механику служили оставшиеся на Заставе с довоенных времен пустые железные бочки из-под солярки. Может быть, поэтому почти все изготовленные им тяпки, плоски и ножи получались изогнутыми или кривыми. Тем не менее даже такая утварь пользовалась у жителей Заставы постоянным спросом, что обеспечивало Борису безбедное существование.

Увидев вошедшего в мастерскую начальника Заставы, механик прервал свое занятие, бросил заготовку на верстак и, обращаясь к женщине, солидно сказал:

– Позже зайди. Видишь, дела у меня.

Та не стала настаивать, суетливо кивнула и торопливо вышла из мастерской, прижимая к груди свой узелок. Седой почти не сомневался, что там у нее предназначенная Борису плата за его работу.

Как только посетительница ушла, Борис утратил свою напускную солидность: вскочил, поспешно вытер руки валявшейся на верстаке ветошью и, приветливо улыбаясь, поздоровался с гостями:

– Очень рад, что заглянули. Чем могу помочь?

Он буквально лучился радушием, что, впрочем, было неудивительно: перед начальником Заставы Борис всегда немного заискивал, а самого Седого рассматривал как своего будущего тестя.

– Охотники нашли на берегу заброшенный поселок, – сразу перешел к делу Карп. – Там могли остаться лекарства, оружие, горючее и инструменты. Может быть, даже продукты.

– У-у! – оживился Борис.

– Поселок находится на севере острова. На лодке до него добираться около двух дней. Весной, когда вскрыется лед, мы собираемся отправиться туда на разведку, – продолжал Карп. – Хочешь принять участие в экспедиции?

Горящие азартом глаза Бориса сразу потухли. Седому даже показалось, что он растерялся.

– Так весной же у меня самая работа, – невнятно пробормотал он. – Приходится лодки чинить, снасти, оружие. Может, придется свои поправить или частокол обновить.

– Когда это ты свои правил? – нахмурился Карп.

– Так я же говорю: может, придется...

Борис попятился к верстаку, машинально подобрал лежащую там тряпку и принялся снова вытирать руки. Карп долго смотрел, как он трет ладони, потом строго сказал:

– Ладно, подумай. До весны у тебя время есть.

И, подав знак Седому, первым вышел из мастерской.

– Нет, ну каков жук! – добавил он, оказавшись снаружи. – В море не выходит, сидит на всем готовом и даже задницу свою от стула оторвать боится!

За двадцать лет на Заставе почти не осталось стульев, и в слесарке стул Борису заменял упаковочный фанерный ящик, но Седой не стал поправлять старого товарища. Дело было, конечно, не в стульях.

А Карп продолжал негодовать:

– Нашел себе сытное место и впаривает всем подряд свои железки, да еще дерет за них с людей втридорога! Те, у кого руки есть, к нему не идут. Вон, Макс для твоей Юльки какой лук смастерил, и без всякого Бориса! А женщинам или старикам куда деваться? Вот и несут механику свои крохи.

Седой тактично промолчал. Каждый выживает, как может. А Борис, если уж на чистоту, не получает дополнительный паек как начальник Заставы или как добывший зверя охотник. А пользы общине приносит не меньше, чем они. Может, Борис и не поправлял опорные сваи (а чего их поправлять? Двадцать лет простояли и еще столько же простоят), но это он следит за состоянием защитного частокола, чинит охотничьи лодки и износившиеся снасти. И весной у механика действительно много работы: если снасти и оружие можно неспеша отремонтировать зимой на берегу, то для того, чтобы проверить мореходные качества лодки и узнать, не дала ли она течь, нужно сначала спустить ее на воду.

– Кому инструменты, детали нужны искать, как не механику? Кто этим будет заниматься? Работы у него много! Сказал бы прямо, что в море выходить боится! А как другие выходят? И не раз за двадцать лет, а каждую весну и лето, и по многу раз! Ничего, он у меня поплывет. Не по желанию, так по приказу, но поплывет.

Впереди выросло возвышающееся на полметра над землей сооружение медпункта. Карп оборвал свою гневную тираду и, недовольно сопя, вскарабкался по ступенькам. «Может, это возраст, – глядя в спину другу, неожиданно подумал Седой. – С годами мы все становимся раздражительными».

* * *

На Заставе полным ходом шли приготовления к празднику, который распорядился устроить Карп по случаю удачной охоты. По его указанию мужчины установили прямо во дворе большую жаровню, а женщины занялись разделкой мяса. Процесс его приготовления требовал изрядного умения и сноровки. Чтобы жесткое мясо моржа стало нежным и сочным, его нарезали тонкими ломтиками, отбивали и затем еще вымачивали несколько часов в маринаде из ягод и используемых в качестве приправы ароматных трав. Пока мариновалось мясо, специально назначенные истопники носили с дровяного склада хворост и спрессованные брикеты сухого мха, пропитанного тюленьим жиром, для розжига огня.

Для людей, живущих на скалистом северном острове, топливо являлось такой же ценностью, как и еда, а его заготовка требовала не меньших усилий. После каждого шторма сборщики хвороста отправлялись на поиски коряг, которые волны иногда выбрасывали на берег. Найти такую корягу считалось большой удачей, поэтому вместо поленьев обычно приходилось довольствоваться вязанками веток карликовых деревьев, больше похожих на траву, и сушеным мхом, который прессовали в брикеты наподобие кирпичей и пропитывали растопленным тюленьим жиром. В ход шел даже тюлений помет, который соскребали с камней после того, как звери покидали свои лежбища. Помет тоже приходилось смешивать со мхом, иначе он вообще не горел. При горении такие навозные кирпичи распространяли отвратительный запах, поэтому не годились для приготовления пищи и использовались только для обогрева жилищ.

Вернувшиеся с промысла охотники были освобождены от хозяйственных работ, но бурлящая в их жилах энергия и всеобщее приподнятое настроение требовали выхода, и парни затеяли игру в мяч. Его многократно залатанная надувная камера за давностью лет

окончательно пришла в негодность, и теперь мяч наполняли обрезки тюленьих шкур. Но гонявшие туго набитый и довольно увесистый бугристый мешок молодые парни знали о настоящем футбольном мяче только со слов переживших ядерную катастрофу родителей, поэтому не замечали явных неудобств и не обращали внимания на слабый отскок своего «мяча», с упоением предаваясь игре.

Как в настоящем довоенном футболе, игроки разделились на две команды: Лёнька со своим младшим братом и трое присоединившихся к ним пацанов против пятерки Генки по прозвищу Башка. Новички оказались еще те «игроки», и Лёнька страшно жалел, что с ним нет Макса и Пашки. У них была хорошо сыгранная команда, и даже вчетвером они бы точно навалили задире Генке с его дружками.

Башка был здоровенным мосластым парнем с лысой шишковатой головой, на которой не росли волосы, за что он и получил свое прозвище. Зверский вид Башки в точности соответствовал его вздорному неуживчивому характеру. По любому поводу он лез в драку, причем слов не понимал – только силу, и никто, кроме Макса, не решался с ним связываться. В своей бригаде Башка тоже числился зверобоем, но ни выслеживать добычу, ни метко метать гарпун так и не научился, поэтому уважения на Заставе не приобрел, что еще больше озлобило его. В футбол Башка играл так же плохо, как управлялся с гарпуном, а отсутствие мастерства компенсировал откровенной грубостью. Во время игры он дважды целенаправленно лягнул Лёньку по ногам, а одного из новичков так толкнул в спину своей мясистой тушей, что парень растянулся на земле, а потом, прихрамывая, ушел с площадки под презрительное улюлюканье Генки и его дружков. Почувствовав свою безнаказанность, вскоре после этого Башка точно так же сбил с ног прорвавшегося к воротам Лёньку, но тут уже за своего нападающего вступилась вся команда, и Генке пришлось уступить, согласившись на штрафной удар. Он тут же прогнал вратаря и сам встал в ворота, а когда Лёнька приготовился пробить по мячу, выразительно показал ему свой увесистый кулак. Он ничего не сказал, но все и так было ясно. «Забьешь гол – пожалеешь», – читалось в прищуренных Генкиных глазах.

Лёньку буквально затрясло от такой наглости. В последний момент нога сама собой изменила направление удара, и мяч, который Лёнька планировал послать в дальний от вратаря угол ворот, врезался Башке в пах. Все, кто это видел, застыли на месте. Лицо Башки пошло красными пятнами, потом вообще стало фиолетовым. Глаза вылезли из орбит. Он утробно захрипел, как хрипит тюлень, когда копьё зверобоя пробивает ему трахею, и, схватившись ладонями за причинное место, рухнул на колени. Остальные члены Генкиной команды бросились к нему, но они не знали, как ему помочь, а сам Башка только хрипел и тарасил на них выпученные глаза.

Наконец его немного отпустило. Один из приятелей протянул Генке руку, чтобы помочь, но тот грубо отпихнул его и, скрипя зубами, поднялся на ноги.

– Сейчас я тебя разорву, салага! – пригрозил он и, словно последний загарпуненный Максом морж, яростно ринулся на обидчика.

Никто из игроков не рискнул остановить его, только Санька бросился на защиту старшего брата, но Башка попросту отшвырнул пацана в сторону. Лёнька с ужасом понял, что ослепленный яростью и совершенно «съехавший с катушек» громила может забить его насмерть.

– Лёнька, беги! – отчаянно закричал распластавшийся на земле Санька.

Надо было сваливать, но ноги как будто приросли к земле. А Башка неумолимо надвигался. Никогда в жизни Лёньке так не хотелось, чтобы Макс или начальник Заставы сейчас оказались рядом – только они и могли образумить Башку и поставить его на место. Но Карп вместе с Седым только что зашли в медпункт, а Макс как ушел куда-то с дочерью Седого, так с тех пор не появлялся во дворе.

Лёнька со всей ясностью понял, что никто, кроме него самого, ему не поможет. Осознание этого факта что-то перемкнуло у него внутри, и когда Башка оказался перед ним, Лёнька сделал то, чего никак от себя не ожидал: врезал прямым правым в его перекошенный злобой рот.

Башка очумело мотнул головой, его лопнувшие губы брызнули красным, но остановить накачанного злобой и ненавистью громилу одним ударом было невозможно. В следующее мгновение Башка всей своей массой врезался в Лёньку, подмял под себя, но не устоял на ногах и вместе с ним грохнулся на землю.

Все завертелось у Лёньки перед глазами, а удары посыпались на него со всех сторон. Иногда в пределах досягаемости возникала разбитая рожа Башки, и тогда он бил в ответ: кулаком, локтем, коленом, а когда руки и ноги попадали в тиски противника, не раздумывая, пускал в ход зубы. Рядом что-то кричали, но Лёнька не разбирал слов. Он оглох на одно ухо, подбитый правый глаз закрылся и почти ничего не видел, но Лёнька отчаянно сопротивлялся: извивался змеей, кусал своего врага, бил и царапался.

Наконец их оторвали друг от друга и растащили в стороны. Лёнька едва держался на ногах, и то лишь благодаря брату Саньке, подставившему ему свое плечо. Голова гудела, как пустой котел, по которому врезали палкой. Но с трудом сфокусировав взгляд на своем противнике, Лёнька с удовлетворением отметил, что в лепешку расквасил Башке губы, расцарапал лицо и прокусил мочку уха, отчего всю его щеку залило кровью. Пусть он не победил врага, но дал ему достойный отпор. И если понадобится, сделает это еще раз.

Глава 6

Лики смерти

В медпункте по-прежнему стояла тишина, но в тамбур из-за неплотно прикрытой двери процедурного кабинета просачивалась узкая полоска света. Продолжая сердито сопеть – а может, это была возрастная одышка, Карп подошел к двери и резким рывком распахнул ее. Седой двинулся следом, но наткнулся на спину друга, соляным столпом застывшего на пороге.

– Карп, ты... – начал кормщик, но проглотил окончание фразы. Вернее, начисто забыл о ней, увидев отрывшуюся из-за плеча начальника Заставы невероятную, но от этого не менее страшную картину.

На полу посреди кабинета в луже крови лежал на спине Сергеич. Одну руку он откинул в сторону, другая, согнутая в локте, застыла возле головы. Правый глаз отблескивал из-под очков, а из левой глазницы сквозь разбитое стекло и оправу торчала стальная рукоятка хирургического скальпеля.

– Он...

– Мертв, – Карп все-таки вошел в кабинет, быстро глянул из стороны в сторону и снова перевел взгляд на неподвижно лежащего на полу доктора.

В отличие от своего товарища Седой никак не мог прийти в себя.

– Как же это? Он что, убил себя?

– Тогда сначала бы очки снял. Воткнуть что-то себе в глаз сквозь стекло довольно трудно.

– Так, значит... – Седой замолчал на полуслове. Он совершенно не представлял, что это значит.

Однако Карп, как и положено начальнику Заставы, быстро разобрался в ситуации.

– Его убили, – отрезал он.

– Убили? – механически повторил Седой, но Карп не стал отвечать на очевидный вопрос.

Вместо этого он остро глянул в лицо товарищу и неожиданно спросил:

– Какие у тебя отношения с Катериной?

– Мы расстались. А почему тебя это интересует?

– Расстались? Я об этом не слышал.

В интонации отчетливо слышалось недоверие. Седой ощутил нарастающее раздражение.

– Да, расстались, и уже давно, – твердо повторил он. – Но какое это имеет отношение к случившемуся?

– Дело в том, что *недавно*, – Карп специально выделил интонацией последнее слово. – Катерина пожаловалась мне, что Сергеич склоняет ее к физической близости, а когда напивается, еще и распускает руки.

– Он что, стал напиваться?! То есть напивался? – опешил Седой.

– А ты этого не знал?

– Разумеется, нет! – до Седого постепенно начало доходить, куда клонит его старый друг. Впрочем, не такие уж они друзья. Скорее товарищи. Или даже приятели. – Уж не намекаешь ли ты на то, что это я убил Сергеича в отместку за Катерину? Я же как с охоты вернулся, с тобой был неотлучно.

– А на продскладе?

– Так я в это время домой заходил. С Юлькой хотел помириться – сегодня поцапался с ней.

– Помирился?

– Да нет, не застал. Она же с Максом Пашку в медпункт повела, видно, еще не вернулась... – Седой запнулся.

Как-то в середине лета дочь прибежала домой сама не своя: бледная, тяжело дышит и губы трясутся. Он перепугался: не заболела ли? Хотел в медпункт отвезти, а та ни в какую. Настоящую истерику закатила. Так, может, дело не в болезни было, а в Сергеиче? Может, этот старый хрен не только к Катерине, а и к его Юльке подкатывал?! Да за такое...

Седой хмуро взглянул на раскинувшееся на полу тело доктора, словно надеялся получить у него ответ на свой вопрос. Под столом рядом с опрокинутым стулом что-то лежало. Кормщик сделал шаг в сторону, чтобы лучше рассмотреть находку, и застыл на месте, пораженный увиденным. Под столом валялась вышитая Юлькой охотничья рукавица. Когда Седой случайно обнаружил, что Юлька втайне от него вышивает на грубых рабочих рукавицах затейливый узор, то решил, что дочь готовит ему подарок. А та подарила рукавицы Макс. Он тогда еще здорово разозлился на парня, да и на Юльку тоже. И вот одна из этих рукавиц сейчас лежала на полу рядом с трупом. А ведь Юлька могла рассказать Максиму, что Сергеич к ней приставал!

Последняя мысль до дрожи напугала Седого, но он постарался взять себя в руки. Нет, не стал бы Макс ждать столько времени, чтобы свести с Сергеичем счеты, если... Если только этот кобель не лез к Юльке во время их последнего отсутствия!

Охваченный паникой Седой отступил к столу, надеясь таким образом загородить от Карпа найденную рукавицу. К счастью, тот в этот момент заинтересовался входной дверью.

– Кто-то побывал здесь до нас, – объявил Карп, в упор разглядывая замочную скважину. – Дверь открыта ключом, а ключи были только у Сергеича и Катерины. Надо проверить, на месте ли его ключи.

– Я проверю, – ответил Седой и, пока Карп не успел ему возразить, опустился на колени и принялся ощупывать карманы покойника.

Ключей там не оказалось, но Седого интересовали вовсе не они. Не прекращая своего занятия, он незаметно протянул руку под стол, схватил лежащую там рукавицу и быстро сунул себе в карман.

Он все еще ползал на коленях возле трупа, когда из коридора донесся скрип входной двери, звук приближающихся шагов и в дверном проеме выросла рослая фигура Макса. «Сейчас начнется», – решил Седой. Но Макс молчал и только переводил взгляд с мертвеца на присутствующих в кабинете людей.

Карп первым нарушил молчание:

– Ты что, с кем-то подрался?

– Я? Нет.

– А чего нос разбит?

Под носом у Макса действительно запеклась кровь. Он провел рукою по лицу и изумленно уставился на испачканную ладонь, но Седой успел заметить, что она уже была в крови.

– Не знаю...

Ответ прозвучал неуверенно, словно Макс действительно не помнил, что с ним произошло.

– А вот Сергеич с кем-то что-то не поделил, – вздохнул Карп.

В этот момент он не смотрел на Макса, а Седой заметил, как испуганно забегали глаза зверобоя.

– Ты чего хотел?

– Я? – Макс облизал губы, и это движение тоже не укрылось от пристального взгляда Седого. – Поговорить. Ванойта позвал.

– А где он сам?

– Мы с ним... разминувшись? – через силу выдавил Макс.

Седой не знал, что и думать. Таким он видел Макса впервые.

Бесстрашный зверобой явно чего-то боялся.

– А Сергеича ты последний раз когда видел? – задал следующий вопрос Карп.

– Когда Пашку привел.

– И что он сказал насчет Пашки?

Макс пожал плечами:

– Не знаю. Когда мы пришли, дверь была заперта. Пашка остался ждать, а мы с Юлей вышли во двор. Навстречу Сергеич. Он сюда зашел, а мы... ушли.

И вновь окончание фразы прозвучало неуверенно. Растерянность, страх, бегающие зрачки – все указывало на то, что зверобой лжет. Вот только Карп этого не замечал. Или делал вид, что не замечает.

– Разыщите Павла, – распорядился он. – Надо выяснить, что ему известно. Только про гибель Сергеича пока никому не говорите.

Седой, а следом за ним и Макс, понимающе кивнули.

* * *

Мысли, одна ужаснее другой, путались в голове. Не успел Макс прийти в себя после очередного провала памяти, как последовал новый удар – смерть Сергеича. А еще кровь на руках и разбитый нос!

Последнее, что запомнил Максим, прежде чем сознание покинуло его, как отправился с Ванойтой в медпункт. Когда он пришел в себя, старика рядом уже не было. Надеясь прояснить, что с ним произошло в забытии, Макс все-таки заглянул в медпункт. То, что он там увидел, повергло его в шок. Испугала даже не сама смерть – на охоте Максиму уже приходилось терять товарищей, а то, что Сергеич погиб не от зубов или когтей хищника, не от болезни, а от руки кого-то из своих! Бывало, жители Заставы ссорились между собой, порой в дело шли кулаки, самые отчаянные могли схватиться за нож. Но чтобы убить! Такого на памяти Максима еще не случалось.

Затылком он чувствовал пристальный взгляд шагающего сзади Седого. Тот явно собирався у него что-то спросить, но никак не мог решиться. Максиму тоже не хотелось разговаривать. Сначала требовалось привести в порядок мысли и главное – выяснить, что он сам делал, пока находился в отключке. На глаза попались две соседские женщины, развешивающие на веревке выстиранное белье, и Макс подошел к ним.

– Привет.

– Привет. Здравсьте, – та, что помоложе, лукаво улыбнулась.

– Пашку не видели?

– Так он вместе с Ваней на берег пошел, – продолжая улыбаться, ответила молодая.

– С дядей Ваней? – уточнил Макс.

– Ну да. Я еще подумала: чего это Пашка со стариком затеяли?

– И вовсе они не вместе были, – поправила молодуху ее соседка. – Сначала Пашка прошел, а потом уже старик. Вроде как следил за ним, что ли.

– Давно вы их видели?

Обе женщины пожали плечами, только молодая сделала это игриво. Было ясно, что ни Пашка, ни Ванойта ее совершенно не интересуют. К счастью, другая обладала более крепкой памятью.

– Да уж давненько, – ответила она. – Мы еще стирку не закончили.

«Сколько же я находился без сознания, раз ничего этого не помню? – с ужасом подумал Макс. – Надо расспросить Ваню», – пришла следующая, рациональная мысль. Раз они были вместе, старик должен знать, что с ним происходило.

– Я на берег. Вы со мной? – обратился Максим к Седому. Тот замешкался с ответом, но затем все-таки кивнул.

Вопреки утверждению обеих женщин, прибрежный пляж оказался пуст, не считая вытащенной из воды охотничьей лодки, которую жители Заставы уже успели полностью разгрузить. Зато с врезающейся в море каменной осыпи, состоящей из огромных валунов, среди которых любила играть в прятки детвора, поднимался к небу легкий дымок. Может, потому что Ванойта и сам чем-то был похож на ребенка – не случайно все дети на Заставе тянулись к нему, а может, потому что любил уединение, он устроил в укромном месте на гребне этой каменной реки что-то вроде алтаря, где, разведя огонь, молился северным духам. Почти все на Заставе знали об этой причуде старика и относились к ней как к безобидному чудачеству. Только Юлькин отец пренебрежительно называл молитвы Ванойты «языческими плясками», а место, где тот молился, «шаманским костром». Судя по дыму, курящемуся над грядой, старик как раз предавался своему любимому занятию.

Макс был уверен, что Седой останется на пляже или вернется на Заставу: не в его возрасте карабкаться по скалам. Однако тот последовал за ним, но вскоре начал отставать, а затем и вовсе устало опустился на камни.

– Ты иди, не жди меня, – отмахнулся он, когда Макс вернулся, чтобы помочь. – Передохну немного и двину следом.

Максиму эта идея не понравилась. Не хватало еще, чтобы отец его возлюбленной сломал себе руку или ногу, оступившись на скользких камнях.

– Вы меня лучше здесь подождите. Я только наверх заберусь, гляну, нет ли там Пашки, и сразу назад.

– Давай.

Макс так и не понял, согласился ли кормщик с его предложением, но уточнять не стал.

На гребне осыпи завывал ветер. Когда он задувал в щели между валунами, рождались причудливые звуки. Ванойта, а вслед за ним и Юлька утверждали, что это поют сами камни. Юлька специально забиралась на гряду, чтобы послушать «каменную песню». Несколько раз она приводила с собой Максима, но он так и не смог понять, чем привлекает девушку это место. Сейчас к обычному свисту ветра примешивались звуки протяжной ненецкой песни. Обогнув несколько особенно крупных валунов, Макс увидел и ее исполнителя.

Ванойта сидел на коленях возле горящего костра – оставалось только гадать, как ему удалось развести и поддерживать огонь на таком сильном ветру, – и что-то заунывно тянул на своем родном языке, раскачиваясь из стороны в сторону. Время от времени он брал разложенные на плоском камне тонко нарезанные ломтики свежего сырого мяса – не иначе пожертвовал для этого своей долей из последней добычи, – и бросал их в огонь. Станный старик: самому, может, зимой жрать нечего будет, а он все своих воображаемых духов кормит. Напротив костра возвышался череп огромного моржа, для устойчивости обложенный со всех сторон камнями. Этого моржа не убили на охоте. Ванойта нашел череп на берегу, как-то затащил на вершину гряды и украсил им свой алтарь. Всякий раз при виде лишнего плоти исполинского черепа с вечно оскаленной пастью и черными пустыми глазницами Максима охватывала дрожь. Если так выглядели все северные духи, которым поклонялся Ванойта, Макс не хотел с ними встречаться. Да и ни один нормальный человек – тоже.

– Он уже здесь.

– Что? – Макс не сразу сообразил, что Ванойта прервал свою песенную молитву и обращается к нему. Старик даже не повернул головы в его сторону, продолжая неотрывно глядеть в разведенный костер. – Кто – здесь?

– Нга – властелин подземного мира. Он пришел за мной, за тобой, за всеми. Его голод ненасытен, и даже тысячи душ не смогут утолить его.

Максим почувствовал неожиданный озноб. Хотя он ровным счетом ничего не понял, от слов старого ненца, даже не от самих слов, а от прозвучавшей в голосе обреченности повеяло могильным холодом. Если бы только это было возможно, он повернулся бы и бежал без оглядки прочь от полоумного старика и его бредовых мыслей. Вместо этого Максим сделал над собой усилие и сказал:

– Ваня, я ищу Пашку. Ты его видел?

– Твой друг мертв. Нга забрал его душу. Не ищи его. Он сам найдет тебя.

– Как мертв?! – опешил Максим. – Что ты такое говоришь?!

Ванойта в ответ только печально вздохнул и снова затянул свою унылую песню. Поняв, что от него больше ничего не добиться, Макс повернул назад. Настроение было ни к черту. Зверобой разозлился на себя за то, что испугался, но еще больше разозлился на Ванойту, заставившего его пережить этот страх. Разговор с ним окончательно подтвердил правильность мнения Седого: старик совершенно выжил из ума!

Спуск с гряды занял больше времени, чем Макс ожидал. Хотя еще в детстве вся каменная осыпь была излазана вдоль и поперек, он непонятно как забрел в нагромождение валунов, через которые не смог перебраться. Пришлось возвращаться и искать обходной путь. Чтобы снова не забрести в тупик, Макс стал внимательно смотреть вокруг, выбирая путь, но когда машинально бросил взгляд в одну из скальных расщелин, застыл на месте. Там на дне, среди голых и скользких камней лежала изломанная фигурка Пашки.

– Пашка, – шепотом позвал Макс и, не получив ответа, закричал во все горло. – Пашка, очнись!

Но Павел молчал, и Максим с ужасом понял, что он уже никогда не отзовется.

* * *

Время шло, а ни Макс, ни отец, ни дядя Ваня не возвращались. Юля уже несколько раз подходила к окну, но видела только проходящих по двору соседей. Чем дольше она оставалась одна, тем тревожнее становилось на душе. В какой-то момент одиночество стало просто невыносимым. Девушка схватила с вешалки свою куртку и, на ходу засовывая руки в рукава, выбежала за дверь.

Если отец и Максим с Ваней отправились в медпункт, она пойдет за ними. И плевать, что там можно встретить Сергеича! В присутствии посторонних он будет вести себя тихо, а если попробует снова распустить руки, Макс навсегда отобьет у него к этому охоту.

Окно процедурного кабинета освещал яркий свет горящей масляной лампы. Юля почувствовала нарастающую тревогу. Обычно врачи обходились свечой, в редких случаях – жировой коптилкой, а уж масляную лампу Сергеич зажигал только во время хирургических операций. Неужели с кем-то из жителей случилось несчастье?!

Юля осторожно поднялась по ступенькам и с замиранием сердца приоткрыла входную дверь. Из процедурного кабинета доносились чьи-то неразборчивые, словно неживые, голоса. Юле вдруг стало страшно, но она преодолела себя, сделала несколько шагов по коридору и заглянула в ярко освещенный кабинет.

Сначала она увидела Катерину. Женщина склонилась над стоящим напротив двери длинным металлическим столом, который использовался для операций. Сейчас на нем тоже кто-то лежал. «Макс!» – первым делом с ужасом подумала Юля, но, заметив обмотанную

бинтами ногу лежащего, поняла, что это Павел. Катерина как раз закончила разматывать повязку и растерянно пробормотала:

– Ничего не понимаю.

– Да что там непонятного? – донесся откуда-то из угла хриплый голос отца. Юля в первый миг даже не узнала его. – Полез на камни, а раненая нога подвела. Вот он и сорвался в расщелину, сломав себе шею. Прости, Макс.

Услышав последние слова, девушка испуганно вскрикнула и влетела в кабинет. Там были все: отец, Макс, начальник Заставы и Катерина. Не хватало только дяди Вани и Сергеича, но об отсутствии последнего Юля нисколько не жалела. Карп сердито уставился на нее:

– Ты что здесь делаешь?

– Я папу искала, – нашла Юля. – А что с Пашей?

– Несчастный случай: упал со скалы и разбился, – ответил Карп.

Макс шмыгнул распухшим носом и опустил глаза. Катерина, наоборот, подняла голову. Юле показалось, что женщина собирается что-то сказать, но та промолчала.

Карп тяжело вздохнул:

– Хотел сегодня праздник устроить по случаю удачной охоты, да какое веселье с двумя покойниками?

– С двумя? – в ужасе прошептала Юля. – А кто второй?

– Сергеич, – нехотя ответил Карп.

– Тоже несчастный случай?

– Хуже, – отрезал начальник Заставы. – Его убили.

«Убили?» Юля вдруг почувствовала, что ей не хватает воздуха.

Сразу закружилась голова, в глазах потемнело, пол зашатался под ногами, вздыбился и перевернулся.

Открыв глаза, девушка увидела перед собой сосредоточенное лицо Катерины.

– Очнулась, – не то спросила, не то подтвердила врач.

– Да, – Юля обвела взглядом вокруг себя и обнаружила, что лежит на кушетке в процедурном кабинете, где кроме нее и Катерины больше никого нет. Даже покоящееся на хирургическом столе тело Павла кто-то накрыл куском брезента. – А что со мной было?

– Ничего страшного, обычный обморок. Это я специально страху напустила, чтобы всех отсюда выпроводить. – Судя по голосу, Катерина действительно не видела в случившемся ничего угрожающего. Юлю это успокоило. – С чего только? Ты случайно не беременна?

– Нет! – возмутилась девушка, но тут же вспомнила, что где-то через месяц после того, как начала встречаться с Максимом, сама приходила к Катерине провериться – к счастью, тогда все обошлось, и сменила тон. – Я правда не беременна.

– Неужели из-за смерти Сергеича так расчувствовалась? – холодно усмехнулась женщина. – Плюнь. Не стоит он этого. Сволочь он был. Бабник и сволочь.

– Я знаю, – вздохнула Юля.

– Знаешь? – Катерина впиалась ей в лицо пристальным взглядом. – Так он и к тебе лез?

– Пытался.

– Вот гад! Небось, выпить предлагал? А ко мне без всяких церемоний подкатывал. Так прямо и сказал: не дашь – выгоню и пайка лишу, тогда сдохнешь от голода. Знаешь, я ведь его порой сама была убить готова, – призналась Катерина и, заметив, что Юля переменилась в лице, добавила с холодной усмешкой. – Да не я это, не бойся. Хотя Карп наверняка думает, что я. Я однажды не выдержала и про все выходки Сергеича ему рассказала. Он обещал разобраться, да кто-то другой «разобрался» раньше.

– Как думаешь, кто его? – осторожно спросила Юля.

Женщина пожала плечами, потом вытащила из кармана аккуратно свернутую самокрутку и, прикурив от пламени горящей лампы, с явным удовольствием затянулась. На заставе курили многие. В ход шло все: мох, лишайники, высушенные листья брусники, даже перемолотые в труху сушеные грибы. Но обращение с такими курительными смесями требовало изрядной сноровки, поэтому мужчины, да и многие женщины предпочитали трубки, и только Катерина скручивала из листьев и мха курительные палочки. Юля давно заметила, что у нее очень ловкие и сильные пальцы.

– Не знаю... – женщина выпустила в сторону струйку дыма и разогнала ее рукой. – Может, самогон свой с кем-то не поделил? Сергеич ведь еще самогоном приторговывал. У него многие покупали: Ванойта, да и другие.

– Дядя Ваня?! – опешила Юля.

– А чему ты удивляешься? Сергеич даже шутил, что Ваня у него постоянный клиент.

– Нет! Дядя Ваня не мог убить!

– Да я и не утверждаю, что это он. И вообще я не об этом хотела с тобой поговорить. Лучше бы вообще с Максом, да он после смерти друга сам не свой. В общем... – Катерина запнулась. Юле показалось, что она подбирает слова. – Ты только не подумай, что у меня крыша поехала на старости лет.

– Катя, ну что ты такое говоришь? Какая же ты старая?!

Хотя Катерина никогда не рассказывала о своем прошлом, Юля знала от отца о ее тяжелой жизни и несчастной судьбе и от души жалела ее. Молодой девушкой, сразу после медучилища, Катя приехала на пограничную заставу работать фельдшером. Наверняка мечтала встретить здесь хорошего парня и выйти за него замуж, но этому помешала война. Много лет спустя, когда выжившие пограничники, объединившись с полярниками, основали на заставе общину охотников, Катя все-таки встретила своего мужчину и даже родила двух девочек. Но обе ее дочурки умерли друг за другом вскоре после рождения. По словам отца, Катя в те дни ходила сама не своя – переживала ужасно, да еще муж обвинил ее в смерти детей, а вскоре после этого и сам погиб на охоте – упал за борт и утонул. С тех пор Катя жила одна.

Иногда Юля помогала ей в медпункте, так, по мелочи: протереть пыль, постирать бинты, что-нибудь принести. Сначала заходила просто из любопытства, потом – чтобы поговорить. Катерина с благодарностью принимала ее посильную помощь, но подругами они так и не стали. Когда на Катю обратил внимание отец, Юля очень обрадовалась. Надеялась, что общение с Катериной поднимет отцу настроение – последнее время он ходил мрачнее тучи, порой беспричинно срывался на дочь, часто злился на дядю Ваню и на Максима, – но что-то у них не заладилось, и они расстались. Хотя Катерина старательно скрывала свои чувства, Юля видела, что она тяжело переживает разрыв с отцом, и по мере сил старалась поддерживать ее. Наверное, поэтому Катя и решилась с ней на откровенность. А может, потому что ей больше не к кому было обратиться.

– Скажи: ты ведь видела Пашку, после того как он с охоты вернулся? – спросила Катерина.

Юля кивнула:

– Конечно. Это ведь мы с Максом его сюда привели.

– Ну и как он?

– Что?

– Как он выглядел?

Почему-то этот вопрос был очень важен для Катерины. Юля задумалась.

– Неважно. Видно, на охоте ему здорово досталось, хотя и храбрился. Но ты ведь знаешь Пашку. То есть, знала...

– Выходит, что не знала. – Катерина снова затянулась и решительно подошла к накрытому брезентом хирургическому столу. – В обморок больше падать не будешь? Тогда смотри.

Не успела девушка ответить, как она откинула край брезента, открыв почерневшую и отчего-то помятую или сморщенную Пашкину голову.

– Что это?! – опешила Юля.

– Разложение тканей. Проще говоря, гниение.

– Гниение? – Юля почувствовала, как к горлу подбирается тошнота. Пришлось сделать глубокий вдох, но это мало помогло.

– Вот именно, – жестко ответила Катерина. – Если бы я не знала, что Павел сегодня живой вернулся с охоты, я бы решила, что он мертв уже несколько дней.

Девушка в ужасе уставилась на разлагающийся труп. Пощадив ее нервы, Катерина снова накрыла брезентом обезображенную Пашкину голову, иначе Юля наверняка вновь бы лишилась чувств. Она внезапно вспомнила, как соседский мальчик однажды заблудился на Заставе во время метели и замерз во дворе буквально в нескольких шагах от дома. Его нашли только весной, когда растаял снег, и выглядел он точно так же...

* * *

Юля давно ушла, а Катерина все продолжала курить, пока тлеющий огонек самодельной сигариллы не обжег ей пальцы. Женщина затушила окурок и вернулась к накрытому брезентом мертвецу, но так и не решилась его открыть. Лежащее под брезентом тело внушало ей суеверный страх, потому что его внешний вид противоречил всему, что она знала о физиологии. Более того, он противоречил здравому смыслу. Надеясь развеять охватившую ее тревогу, Катерина поделилась своими сомнениями с дочерью Седого, но разговор с девушкой по сути ничего не дал и не принес ей душевного спокойствия.

А что она, собственно, рассчитывала услышать? Что Павел погиб на охоте и вернулся на Заставу мертвым, и никто: ни Седой, ни Макс, ни его подруга не заметили, что общаются с мертвецом? Бред! Но если судить по степени разложения тканей покойника, все именно так и было. Даже не так! Опыт подсказывал ей, что Павел умер примерно неделю назад – то есть еще до того, как отправился на охоту. Хотя в день отплытия он выглядел абсолютно живым и совершенно здоровым! Значит...

Однако, что это значит, Катерина не могла понять. Для дальнейших выводов бывшему фельдшеру пограничной заставы не хватало знаний. Возможно, Сергеич смог бы объяснить загадку невероятно быстрого разложения трупа, но... после того как лезвие скальпеля, пронзив ему глаз, поразило мозг, он уже никому и ничего не объяснит. Катерина нахмурилась и потянулась за новой самокруткой, хотя обычно не позволяла себе курить так часто – экономила драгоценные сигариллы, а это была уже четвертая за сегодняшний день. Первые две она выкурила вскоре после того, как в панике сбежала с работы домой, откуда ее вскоре снова вызвали в медпункт, чтобы осмотреть принесенный с берега труп Павла.

Глава 7

Пожар

Сон никак не приходил. Максим ворочался с боку на бок, прислушиваясь к противному скрежету кроватных пружин и еще более отвратительному храпу и сопению одиноких неженатых охотников, с которыми делил бывшую солдатскую казарму.

На Заставе поразительно спокойно восприняли известие о смерти Пашки и Сергеича. Правда, Карп ни слова не сказал об убийстве, но Макс был уверен, что даже в этом случае жители общины с той же жадностью съели превратившийся в поминки праздничный ужин, пробормотав между делом банальные и неискренние поминальные слова (многие вообще обошлись без этого, а зачем?) и, как ни в чем ни бывало, разошлись по домам.

«Как они могут спокойно спать, когда два человека погибли, а их убийца так и не найден?!» – вихрем возмущения пронеслась в голове тревожная мысль. Макс ухватился за нее и осторожно, как на охоте вытравливал из воды ослабший гарпунный фал, слово в слово повторил свой вопрос. Он действительно сказал «их», но случайна ли была эта оговорка? Он поверил в случайную гибель Пашки... Нет, скорее заставил себя поверить, только когда Седой в процедурном кабинете вынес свой вердикт. Но даже слепая вера в несчастный случай не разрешила возникшие в первый момент вопросы и не дала ответ на самый главный из них: зачем Пашка с больной ногой вообще поперся на эту каменную гряду?! Что понесло его на берег? Кого он там искал? А если не искал, а наоборот – от кого-то скрывался?

Макс вспомнил свой разговор с развешивающими белье женщинами и их слова, на которые тогда не обратил внимания: «Сначала Пашка прошел, а потом уже старик. Вроде как следил за ним, что ли». Да, именно так сказала одна из них! Выходит, Ванойта следил за Павлом. Зачем? Уж не для того ли, чтобы, выбрав удобный момент, столкнуть его в расщелину? А слова самого старика: «Твой друг мертв. Не ищи его». Что это, если не откровенно сделанное признание?!

Максиму стало жутко и одиноко. Он вновь почувствовал себя маленьким, беззащитным ребенком, недавно лишившимся родителей и никому ненужным. Никому, кроме Ванойты. Это старый ненец выходил его, каждый день делясь с ним своим скудным пайком. Тогда, много лет назад, он казался маленькому Максиму даже более старым, чем сейчас. Именно дядя Ваня рассказывал ему ненецкие сказки, где храбрые и отважные охотники плавали по бурному, холодному морю, побеждали хищных зверей и злых северных духов и привозили домой много мяса и рыбы. Именно он научил Макса всему, что зверобой сейчас знает и умеет. Фактически старик заменил ему отца, в котором оставшийся сиротой мальчик больше всего нуждался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.